

ОРУЖЕЙНИК

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

**Винтовки
для Петра Первого**

Константин РАДОВ

Жизнь и деяния графа Александра Читтанова

Константин Радов

**Оружейник. Винтовки
для Петра Первого**

«Яуза»

2014

Радов К.

Оружейник. Винтовки для Петра Первого / К. Радов — «Яуза», 2014 — (Жизнь и деяния графа Александра Читтанова)

Чтобы изменить историю, не требуется никаких «попаданцев». А нужен талантливый оружейник, который пробьется к Петру Первому со своими революционными изобретениями. Меткая стрельба из винтовальной фузеи при осаде Нарвы производит на царя такое впечатление, что он жалует мастера офицерским чином и повелевает спешно наладить производство нового нарезного оружия. Успеет ли конструктор исполнить высочайший приказ и обучить отборные стрелковые части русской гвардии к Полтавской битве? Предотвратит ли оружейная революция Прутскую катастрофу? Смогут ли винтовки Петра Великого ускорить ход истории?..

Содержание

От переводчика	5
От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Радов

Оружейник. Винтовки для Петра Первого

От переводчика

Нет никакой необходимости представлять публике автора мемуаров, издаваемых хотя и в новом, более полном и точном переводе, но далеко не в первый раз, – перед нами фигура более чем известная. Но, при всей прижизненной и посмертной славе этого человека, тайн, загадок, неопределенностей и борьбы мнений вокруг него тоже необыкновенно много. Даже вопрос, каким именем его называть, может поставить в тупик, ибо их было изрядное количество: Алессандро Читтано, граф Джованетти, Александр Джонсон, Александр Иванович Читтанов, в некоторых источниках фамилия пишется как Четанов, Чайтанов или даже Шайтанов, а в одном совершенно официальном турецком документе перед его подписью можно прочесть: «...я, Искандер ибн-Шайтан, руку приложил». Конечно, переосмысление иноязычных фамилий может быть причудливым и часто смешным – например, в архиве Посольского приказа хранится отписка, величающая английского министра Галлахера «боярином Голохеровым», – но и в отношении политических пристрастий или научных заслуг героя разнобоя не меньше. С эпохи императора Павла во всех военных и гражданских учебных заведениях России изображался на видном месте афоризм нашего мемуариста: «Подданные обязаны повиноваться». Однако всем была втайне известна нигде не опубликованная полная версия: «Подданные обязаны повиноваться, какая бы обезьяна ни сидела на троне». Уже на основании этих слов и самые красные революционеры, и самые замшелые консерваторы объявляли их автора «своим». Первые восхищались его бесцеремонным обхождением с чинами Тайной канцелярии, вторые указывали на известный эпизод расстрела картечью вышедших из повиновения солдат. И ныне одни историки изображают его гением, стоящим ровно посередине между Леонардо да Винчи и Томасом Эдисоном, другие рисуют жестоким крепостником, специально покупавшим умственно одаренных детей для будущей эксплуатации, и создателем не имеющих аналогов «интеллектуальных эргастериев», где подневольный труд применялся в технических изысканиях. Кстати, Читтано гением себя не считал, судя по его самооценке в письме к Вольтеру:

«Я обладал от природы очень хорошими, но отнюдь не экстраординарными способностями. Полагаю, что на каждую сотню томящихся в школах учеников найдутся один или два более способных, чем я. Своей судьбой я более всего обязан обстоятельствам: не в смысле отсутствия препятствий на моем пути, как раз препятствий было в избытке. Более того, они-то часто и побуждали меня к усилиям чрезвычайным. Так порох, рассыпанный открыто и подожженный, просто стораец красивым, но бесполезным огнем, стиснутый же тесной чугуновой оболочкой, развивает из себя неуправляемую силу взрыва».

Мой долг – напомнить читателям, что эксклюзивный копирайт на любые научные комментарии к мемуарам Читтано принадлежит доктору Уильяму Воротыньскому из Оксфорда, а Геттингенский протокол за преднамеренное нарушение авторских прав, совершенное в крупном размере или с особым цинизмом, предусматривает смертную казнь, оставляя вид казни на усмотрение национальных законодательств.

Поскольку, согласно приложениям к Геттингенскому протоколу, альтернативная история не является наукой и не подлежит соответствующим международным соглашениям, я имею возможность изложить несколько своих соображений в этом жанре.

Рискну предположить, что, сложись судьба нашего автора иначе (он сам предполагает такую возможность), это сказалось бы прежде всего на темпах развития технологий обработки

металла и производства оружия. Вероятно, вальцовка железа могла войти в употребление не раньше конца восемнадцатого века, а распространение казнозарядных винтовок началось бы только в эпоху Наполеоновских войн. Первая промышленная революция получилась бы более растянутой во времени, а православная община Англии, в реале получившая, наравне с квакерами, наибольшую материальную выгоду от нее, не стала бы настолько богатой и влиятельной и не смогла бы, впитывая в себя настроенных враждебно к родине раскольников и светских эмигрантов, сделаться центром антироссийской деятельности в Европе. Англо-русские отношения могли быть лучше.

В альтернативном варианте можно ожидать, что колониальная политика европейских держав, и особенно территориальная экспансия России в конце восемнадцатого – середине девятнадцатого века, имела бы более скромный размах и вызывала меньше конфликтов. Мир был бы более мирным. Несомненно, Европа не вступилась бы так дружно за египетского хедива в споре о святых местах, не навязывая ему Россия Суэцкую концессию, и Пелопоннесская война 1851–1854 годов, происходи она ближе к базам снабжения российских вооруженных сил – на берегах Босфора или даже в Крыму, – скорее всего, была бы выиграна и не привела к потере всех заморских владений, нейтрализации проливов и исчезновению России из списка великих держав почти на полвека. В общем, о плюсах и минусах такого развития событий можно спорить.

Записки Читтано, хранящиеся, по завещанию мемуариста, в библиотеке Оксфорда и впервые опубликованные с незначительными сокращениями через пятьдесят шесть лет после смерти автора, представляют собой стопу тетрадей in quarto, исписанных по-французски четким, красивым, стремительным почерком, вероятно секретарем под диктовку. На полях, между строк и на отдельных подклеенных листах имеется правка, местами тем же, а кое-где совершенно другим, весьма неразборчивым почерком, видимо принадлежащим самому автору. Трудность прочтения усугубляется тем, что эти поправки сделаны на нескольких языках: французском, итальянском, латинском, русском, английском и даже турецком (русскими и латинскими буквами) без указания, где какой использован. По некоторым признакам, записки продиктованы мемуаристом в его крымском имении под Кафой во время прусской войны, хотя отдельные эпизоды, судя по упоминаемым политическим реалиям, восходят к другой редакции, старше лет на двадцать. Стиль воспоминаний однообразен и тяжеловат, имеет некоторый оттенок архаизма, местами автор злоупотребляет военно-канцелярскими оборотами и утомительными техническими подробностями. Насколько адекватно нам удалось передать эти особенности в русском переводе, судить читателю.

Константин М. Радов

От автора

«Porcellino russo! Porcellino rosso!» – кричат оборванные мальчишки и бросают камни мне в спину, и от бессильной обиды хочется заплакать, потому что ругаться с уличными сорванцами бесполезно, а кидаться в драку – все равно что рубить мечом комариный рой. Грязные потомки варваров с визгом и смехом разбегаются, радуясь бесплатному развлечению. Больше всего меня бесит, что у этих крысенышей даже не хватает ума придумать хоть сколько-нибудь подходящие ко мне оскорбления. Ну скажите, чем тощий и нескладный отрок похож на поросянку? Да еще красного? Лицо у меня как раз не красное, а бледное, словно у чахоточного, от многого сидения над книгами, так что слово «rosso» – только для красного словца, по созвучию. А «russo»? Ну кому какое дело до моих покойных родителей? Не важно, что отец был русским, а мать – славянкой с иллирийского побережья. К каким бы варварским племенам они ни принадлежали, сам-то я все равно римлянин! *Civis romanus sum!* А также лучший друг и соратник божественного Юлия, в недавние мартовские иды спасший его от кинжалов заговорщиков!..

Брошенный одним из юных негодяев булыжник болезненно ударяет в плечо – и я просыпаюсь... Яркий, как итальянское небо, сон рассеялся. Пригрезится же всякий вздор! Те дети трущоб, если и дожили до нынешнего дня, не станут трясущимися старческими руками бросать камни в отставного русского генерала. Удивительно, что сам-то я столько прожил. Слово чести, совсем о том не заботился: не кланялся ядрам, любил покрасоваться перед строем, даже этак на коне погарцевать на самом виду, под обстрелом... Не дали небеса красивой смерти. В бою, в азарте атаки, вполуоборот к солдатам, со шпагой в руке и командой в глотке...

Господи, если Ты есть, ужели Ты от меня еще чего-то ждешь?! Что я еще могу сделать в этой жизни?

Разве что – рассказать о ней?

Любезный читатель, давай договоримся сразу. Сии мемуары не предназначены к публикации при моей жизни – следовательно, читая их, ты разговариваешь с покойником. А покойникам многое дозволено. Почему я распространяюсь о людях и событиях ничтожных и пренебрегаю важнейшими, почему сужу непочтительно о персонах и учреждениях, окруженных величайшим пиететом, почему полагаюсь лишь на ненадежную человеческую память вместо архивов и, возможно, искажаю ход событий – подобные претензии меня уже не беспокоят. Пусть будущие историки судят, в чем автор прав, а в чем разум или память его подвели. Я расскажу о своей жизни так, как мне угодно, – вот право рассказчика, *Droit de narrateur*, которое, ей-богу, стоит *Droit de seigneur!*

Глава 1

Детство. Венеция

Я родился во владениях Венецианской республики, скорее всего, в 1678 году, а может, и в 1679-м – точно не знаю, потому что лишился матери очень рано. Обширные связи Венеции с Востоком имели свою черную сторону: в город часто заносили чуму, и длинноносые фигуры в балахонах раз за разом выходили на мрачную службу, вгоняя горожан в дрожь и холодный пот.

Что мне осталось в наследство? Одна лишь память, и та смутная. Помню, как мама говорила со мною, пела – не помню слов, я потом начисто забыл славянский язык, в городе почитавшийся грубым, деревенским и варварским. Лишь через бездну времени, уже взрослым человеком, пережил острое, как входящий в сердце стилет, чувство узнавания и родства, когда различил знакомое звучание.

А вот отца я совершенно не знал и знать не мог, ибо он погиб за несколько месяцев до моего рождения. Знаю только, что он был русским невольником, освобожденным великим Франческо Морозини с турецких галер вместе с другими, и звали его Иваном. Как ему удалось потом вступить в армию Венецианской республики, да еще не рядовым солдатом, – загадка неразрешимая. Даже представить трудно, сколь выдающиеся воинские качества нужно для этого явить, ибо вековой опыт и общепринятые правила прямо запрещают нанимать бывших рабов в войско. Считается, что страх перед турками, внушенный на галерах, может обладать в бою и привести к поражению.

Малые дети не понимают своего сиротства. Моей семьей стали тетушка Джулиана, младшая сестра матери, и тетушкин муж Антонио Джованетти, учитель латинского языка. Не помню, с какого возраста – кажется, всегда – мне разрешалось оставаться в комнате во время уроков. Не знаю, почему мне, а не родным детям, которые в остальных отношениях пользовались привилегиями: может, благодаря умению вести себя тихо и незаметно, сидя в уголке комнаты или прямо под столом для занятий так, что меня и видно не было; а может, дядюшка обратил внимание на мою способность защищать окружающих от громов и молний, извергаемых его супругой, привлекая оные на себя, подобно как прибор, изобретенный недавно господином Франклином из Филадельфии, привлекает на себя громы небесные. Конечно, дядюшка Антонио вряд ли дожил до опытов Франклина, но аналогичный принцип он применял вполне сознательно.

Что будет с младенцем, который с утра до вечера дышит воздухом, насыщенным латинскими вокабулами? Который раз сто (а может, двести, кто знает) слышал затверженную на память дядюшкиными учениками речь Цицерона против Катилины? Многие десятки раз – другие латинские тексты? Да в такой атмосфере и бессловесная тварь заговорит на языке древних римлян. Попугай, во всяком случае, непременно. Мне было лет пять, когда страдания одного из школяров, особенно мучительно вспоминавшего столь любимую дядюшкой речь Цицерона, побудили начать подсказывать ему из своего угла.

Нерадивый ученик был спасен, потому что изумленный учитель начал экзаменовывать меня вместо него, и чем дальше, тем выше поднимался градус его изумления. Он сразу начал использовать мои знания и как живой укор бестолковым ученикам («смотри, балбес, это даже младенцы знают...»), и как витрину своих учительских талантов, заставляя декламировать латинских классиков перед всеми, кто имел неосторожность заглянуть в дом Джованетти. Успех подобных выступлений и множество желающих посмотреть на чудо-ребенка или позабавить им своих гостей заставили тетушку обратить взор на приемыша. Меня стали одевать так, чтобы прилично было показать людям, и даже начали мыть и причесывать. Приглашения следовали одно за другим, я входил в моду, отрабатывая свой номер с Цицероном то в одной, то в другой

гостиной, подобно дрессированной обезьянке (или ученому медвежонку, если это сравнение роднее русскому читателю), получая положенную долю похвал, сластей и подарков, сразу прибиравшихся к рукам хозяйственной Джулианой. Часто растроганные слушатели дарили даже деньги, что по нашей бедности и трудному военному времени было особенно кстати. «Это, – говорили некоторые, – на дальнейшее образование вашему юному таланту». Однако тратить деньги на школу, для правильного обучения, тетюшка сочла бы несусветной блажью и чуть ли не святотатством, когда дома есть свой учитель, бесплатный. Так что дальнейшее мое умственное развитие было поручено опять же дядюшке, который взялся за него тем охотнее, что это не стоило ему почти никаких усилий. Он просто сажал меня вместе со своими учениками, независимо от их возраста и совершенства в науках, и позволял делать то же, что они. Эта нехитрая метода имела успех поразительный. Дядюшкины книжные запасы, представлявшие весь тезаурус небогатого латиниста, были проглочены полностью в три или четыре года, оказав сильное и совершенно непредсказуемое влияние на мой ум. Представьте, я довольно неплохо был знаком с устройством римского государства и главными действующими лицами древней истории, но не имел ни малейшего понятия о хронологии. Да и мудрено было бы его иметь, потому что никто не позаботился хотя бы выучить меня счету. Римская история заменила мне волшебные сказки, до которых дети такие охотники, но без представления о течении времени она будто сплющилась, склеилась с современностью – я с полной серьезностью спрашивал людей, бывавших в Риме, встречали ли они Цезаря и можно ли простому человеку попасть в Сенат, чтобы послушать Цицерона.

Конечно, находились взрослые, желающие объяснить ребенку непонятную для него разницу между прошлым и настоящим. Я выслушивал их с подобающей вежливостью и не пытался спорить, но упрямо оставался при своих представлениях – вовсе не по причине тупости. Люди вообще склонны отвергать самые простые и очевидные истины, если оные по какой-либо причине им неприятны. Предо мной было два мира. В одном состязались в доблести и красноречии, совершали подвиги и получали триумфы, завоевывали целые страны и приносили жертвы богам. В другом лгали, жадничали, ругались, выливали помой в провонявшие каналы и ходили в церковь. Один был правильным, настоящим, другой казался недоразумением, в самой середине которого я непонятным образом очутился. И вот люди из неправильного, фальшивого мира пытались отнять у меня надежду когда-нибудь попасть в настоящий, который был где-то близко, я чувствовал его присутствие! К тому же их утверждения о том, что древний, языческий Рим канул в Лету и все, кто его населял, давно умерли, прямо противоречили моему личному опыту: чрезвычайно живое воображение дополняло прочитанное картинками, подобными ярким снам или, скорее, грезам наяву, более реальным, чем многие обыденные впечатления. Несколько дней спустя затруднительно становилось отделить события, о которых читал в книге, от тех, что видел наяву собственными глазами. Я знал наизусть, как заговорщики убили Цезаря, но стоило раскрыть книгу – любимейшие мои «Записки о Галльской войне», многократно перечитанные, – и он снова был предо мной, живой и деятельный.

Между двумя мирами вплеталась, волею судьбы, третья нить. Турецкая война, тяжкая, длительная, оставалась у всех на устах и в умах сколько себя помню. Казалось, война была всегда и вечно пребудет. Турки представлялись мировым злом, исчадиями ада, источником всех несчастий и бед на свете. Послушать рассказы участников войны или поглазеть на закованных в цепи пленных, выполнявших черные работы на корабельной верфи, было любимейшим развлечением городских мальчишек, и моим в том числе. Не следует думать, будто ваш покорный слуга в детстве ничем, кроме чтения книг, не занимался: каждое лето, с первых жарких дней, я вместе с соседскими сорванцами пропадал на берегу, ловил рыбу или собирал мидий, плавал и нырял в лагуне – дети венецианского простонародья стоят в этом искусстве лишь одной ступенью ниже дельфинов. Между делом шла болтовня обо всем, что казалось нам интересным, в которой военные события служили одной из главных тем. Каждый пере-

сказывал слышанные им истории, часто прошедшие через десять рук и уснащенные совсем уже неправдоподобными подробностями. Сокровища античной литературы сослужили мне хорошую службу: я сделался, можно сказать, штатным рассказчиком среди ребятишек нашего квартала и быстро научился ради успеха у слушателей беспощадно отбрасывать ненужные, на наш юный взгляд, подробности классических сюжетов и делать акцент на батальных сценах. Попутно была решена еще одна мучительная проблема детской жизни: прежде наша компания играла в войну как все, в «турок и христиан», и никто не соглашался быть «турком». После «Записок Цезаря», в моем пересказе, пошла игра в «римлян и галлов», а тут уже находились добровольцы на обе стороны и с азартом рубились на деревянных мечах, изображая осаду Алезии.

Однако, подвигнув потомков римлян и галлов изображать их далеких предков, я сам, в свою очередь, начал задумываться о столь увлекавшей моих ровесников турецкой войне. Рассказы о былом позволили выяснить, несмотря на все мое арифметическое невежество, что в год предполагаемой гибели отца никаких сражений не было! А вдруг он жив? Не слишком доверяя дражайшим родственникам, я выбрал удобный момент и обратился со своими мыслями к хромому Бартоломео, которого раздробившая колено турецкая пуля сделала величайшим авторитетом в делах войны, по крайней мере для нас, мальчишек. Старый солдат, а ныне сапожник выслушал меня с полным сочувствием, но ответил по-солдатски честно, без ложных надежд:

– На далматской границе никогда мира не бывает.

– А как же договоры? Турки их не соблюдают, что ли?

– Турки-то соблюдают... Те, что султану ихнему подчиняются... Так ведь есть еще бунтовщики да разбойники всех вер и народов – и те же турки, и босняки, и арнауты, и черногорцы... Эти всегда воюют, мир не мир...

– А наши, итальянские разбойники есть?

– Конечно, как же не быть? Я сам когда-то...

Тут он закашлялся, спохватившись, оглянулся воровато, наклонился к моему уху и прошептал:

– Я сам когда-то хотел пойти в разбойники, да передумал.

И больше от него ничего путного не удалось добиться. Но это было и не важно, а важно то, что мир, сложившийся в моем уме, дал трещину. В нем началось течение времени, а значит – появились утраты. Отец был мертв, и языческий Рим, отечество моей души, – тоже, это в равной мере повергало несчастного ребенка в самую черную меланхолию. Однако человеческая природа заставляет нас и в безнадежнейшей ситуации искать надежду, хотя бы призрачную. На сей раз выход подсказала тетушка Джулиана, ревностная католичка. «Вот погоди, – говаривала она, – будешь грешить, так и встретишься в аду со своими проклятыми язычниками». Отец тоже приравнивался в ее представлении к язычникам как схизматик, следовательно, он должен был в потустороннем мире находиться рядом с римскими героями! У меня вдруг явилась новая блестящая идея, только требовалось посоветоваться с человеком, знающим загробный мир так же хорошо, как сапожник Бартоло – войну.

В то время моя карьера «чудо-ребенка» находилась на последнем издыхании в силу естественных причин. Когда пятилетний карапуз, стоя на стуле, произносит наизусть напыщенную латинскую речь, пытаясь сопровождать ее подобающими жестами, он вызывает добродушный смех, восторг, удивление и умиление. Ему открываются сердца и кошельки человеческие. Мальчик школьного возраста, исполняющий тот же номер, вправе рассчитывать лишь на умеренную похвалу сквозь зевоту. Надо, однако, заметить, что мои выступления благотворно повлияли на учительскую репутацию дядюшки Антонио. Ему начали оказывать предпочтение перед десятками других полуголодных учителей, уроков стало меньше, а денег больше. Затем он получил выгодные кондиции в одном из частных пансионатов, где сыновья провинциальных дворян готовились к восприятию университетской науки. Это наложило на него светскую обя-

занность согласно традициям пансиона один или два раза в год устраивать у себя дома обед для коллег. Сие весьма огорчало мою экономную тетушку, которая страдала душевно за каждый кусок, съеденный учеными мужами. Вероятно, из-за этого я и оказался вновь востребован со своей латынью на место дополнительного блюда.

Все было на сей раз как обычно, только надоевшего Цицерона (ох и долго же Катилина злоупотреблял моим терпением!) сменил отрывок из «Записок о Галльской войне», очень вольное переложение которых пользовалось исключительным успехом у соседских мальчишек. У подвыпивших взрослых ни весь мой номер в целом, ни батальные сцены в частности не вызвали большого внимания, – с чувством легкой разочарованности я хотел уже покинуть собрание, когда один из гостей, пожилой человек в очках с необыкновенно толстыми стеклами, которого все называли «синьор профессор», пригласил присесть за стол рядом с собой. Он добродушно попросил у тетушки тарелку «для молодого коллеги» – мне показалось очень кстати подкрепиться, сделав вид, что не замечаю тетушкиных предостерегающих взглядов. Позволив воздать должное не для меня приготовленному обеду, новый знакомый заговорил, и мой чуткий, как у дикого зверя, слух сразу уловил нечто особенное. Дело в том, что люди всегда думают на своем родном языке. Даже тот, кто знает иной язык в совершенстве, переводит свои мысли на него с еле уловимой задержкой, с чуть заметным усилием. Наш разговор происходил на классической латыни, и хотя от собеседника сильно пахло вином, речь его лилась совершенно свободно. Можно было биться о заклад, что это его родной язык. Словно предо мной был настоящий римлянин. Даже возникло чувство, будто я долго жил на чужбине и теперь встретил соотечественника. Беседа непринужденно перескакивала с походов Цезаря на мою жизнь, прочие гости вели свои отдельные разговоры, тетушка удалилась отдать распоряжения служанке, и я, набравшись смелости, попросил позволения задать свой вопрос.

– Правда ли, что Цезарь и другие герои древности обречены пребывать в аду? Ведь они были язычниками!

Профессор оглянулся почти так же воровато, как старый разбойник Бартоло и, убедившись, что никто не слушает нас, вполголоса ответил вопросом же:

– А ты, на месте Бога, осудил бы их на вечные муки?

– Нет, конечно! Они же не виноваты, что Спаситель еще не пришел! Это Бог...

– Не надо искать виноватых. Как ты полагаешь, кто милосердней: ты или Господь?

– М-м-м-м... Ну... Он, конечно!

– Ergo —?.. Чем ты так огорчен?

Я был настолько расстроен провалом своего последнего плана, что чистосердечно рассказал, как собирался сделаться язычником, чтобы в аду оказаться рядом с дорогими мне людьми. Где же теперь в загробном мире искать их?

Мой собеседник посмотрел на меня внимательно и с интересом. Примерно как на диковинного зверя, привезенного из самых глубин Африки. Видимо, увиденное ему понравилось, потому что он улыбнулся и, еще понизив голос, сказал:

– А ты уверен, что загробный мир устроен так, как представляет его твоя тетушка? Или приходский священник?

– А как?

Профессор пожал плечами:

– Ignoramus. Откуда ты знаешь, что ад вообще есть?

– А разве в Писании...

– Где именно в Писании, в какой книге?

– Ну... я не знаю...

– Я тоже не знаю. Мы не знаем, насколько буквально надлежит понимать некоторые слова Писания и в какой степени они представляют риторические фигуры. Если кавалер скажет даме,

что его сжигает пламя страсти, она выльет на него ведро с водой? Адское пламя – это настоящий огонь или аллегория мук совести, как некоторые считают?

– А кто так считает?

– Не важно. А если огонь – настоящий, вещественный, телесный, то как он может жечь бестелесные субстанции, именуемые душами? Можно ли шпагой изрубить на части воздух?

– Н-ну-у-у... а куда же тогда идут грешные души после смерти?

– Умрем – узнаем. Но ведь тебя интересует дух Цезаря?

– Да!

– С Цезарем просто. Ты разве не чувствуешь, что его дух живет в тебе?

– Во мне?!

– И в других людях тоже. Во всех, кто его любит и следует его путем. И будет жить, пока они живут.

Тут стали подавать десерт, и тетушка уже прямо велела пойти присмотреть за ее «младшеньким» – настоящим разбойником четырех лет от роду. Однако профессор перебил хозяйку:

– У меня слабое зрение. Нужен помощник, чтобы вслух читать латинские книги. Пойдешь ко мне на службу?

Теперь он говорил по-итальянски. И, повернувшись почему-то к Джулиане, добавил:

– Я буду тебе платить.

Пока будущий помощник растерянно хлопал ресницами, соображая, кому из нас собирается платить почтенный синьор, обрадованная тетушка успела расписать нанимателю мои достоинства в столь преувеличенном виде, что впору было провалиться сквозь землю от стыда, и лишь бесцеремонное детское любопытство удержало меня от поспешного бегства. Оставшись, я узнал, что профессор предлагал за мои услуги два сольдо в день, хозяйственная Джулиана просила пять, но после резонного аргумента, что за пять и взрослого помощника можно найти, согласилась на три. При этом жить и столоваться мне надлежало по-прежнему у нее, приходя к хозяину лишь для работы.

– Вот и прекрасно. Завтра зайду за тобой.

Так была решена моя судьба, хоть я еще не понимал, что состоялась главная встреча в моей жизни. С тех пор как поток подарков, сыпавшихся на «чудо-ребенка», начал иссякать, тетушка не раз заговаривала, что хорошо бы меня отдать какому-нибудь ремесленнику на обучение или хоть в услужение за еду. Однако исполнить это было не так просто: в голодное военное время никому не нужен лишний рот. Мы жили в Каннареджо, на северной окраине Венеции, в стороне от красот и богатств этого великолепнейшего города, и обитатели нашего квартала находились на грани бедности во всех смыслах: большинство их едва сводили концы с концами, а буквально через улицу жилища людей небогатых, но имеющих свое ремесло и постоянный доход, сменялись лачугами гольфильды, перебивавшейся случайными заработками в порту или на чистке каналов. Это было постоянное напоминание о том, что нас ждет, если ослабить усилия в каждодневной борьбе за деньги.

Синьор Витторио Читтано, служивший в пороховой лаборатории при венецианском Арсенале, прежде был профессором в Болонье – но что вынудило его покинуть кафедру, никогда не рассказывал. Пожилой ученый не имел ни жены, ни детей, ни сердечных привязанностей, зато состоял в переписке с множеством естествоиспытателей из разных стран Европы. Он никогда не вел разговоров на религиозные темы (наша первая встреча оказалась поразительным исключением), хотя, как однажды обмолвился, в юности учился в иезуитской школе и всерьез готовился в монахи. Можно лишь догадываться, какой жизненный путь увел его от теологии к химии, механике и инженерному искусству. В помянутых науках он достиг величайшего совершенства, особенно же – в той части химии, которая касается пороха и других огненных составов. Я не могу назвать людей, ныне живущих или прежних, кои могли бы сравниться с ним в знании всех тонкостей приготовления и очистки ингредиентов разнообразных

горючих субстанций. Его умение устраивать необыкновенные фейерверки с разноцветными огнями было удивительно и нередко доставляло солидный дополнительный заработок.

Бывший «чудо-ребенок» занял в доме профессора положение весьма неопределенное, соединив обязанности секретаря, слуги и ученика. В трудах и учебе шел год за годом, я до крайности увлекся пиротехникой и был бы совершенно доволен своей судьбой, если бы тетушка, коей доставалось все мое жалованье, была довольна получаемой суммой. Мысль о том, что она, возможно, продешевила, посещала ее с завидной регулярностью, а скорее вовсе не покидала. С назойливостью кровососущих насекомых моя дорогая родственница снова и снова под разными предлогами или вовсе без оных возвращалась к одной и той же идее: потребовать прибавки у богатого скупердяя-ученого. Я молчал и терпел, как Муций Сцевола, считая своим долгом держаться первоначальных условий договора. Забегая вперед, не могу пропустить забавное соответствие, подмеченное мною через несколько лет после сего, когда вашему покорному слуге довелось узнать, какие чувства испытывает человек под обстрелом на поле брани. Ощущения настолько напомнили мне завтрак у тетушки за семейным столом, а усилие воли, требуемое для сохранения хладнокровия, оказалось настолько знакомо, что я сразу почувствовал себя как дома. Раздражительность Джулианы вспыхивала дымным пороховым огнем и выстреливала в меня ругательствами, однообразными, как чугунные ядра: величая племянника то русским ублюдком и поросенком, то русским поросенком и просто ублюдком, тетушка не блистала богатством фантазии, зато голос у нее был на редкость пронзительный, доводящий ее суждения сразу до всего квартала, а может, и за пределами его. Это, несомненно, с ее языка подхватили те же самые слова дети голодранцев с соседней улицы, изводившие меня тупыми дразнилками, когда случалось встретиться на улице с их грязной шайкой.

В ту пору я имел странную привычку классифицировать встречных людей: обладатели классических черт и благородных манер зачислялись в потомки римлян, достойные люди более простого облика записывались в кельты, христиане с выраженными семитскими чертами относились мною к сирийцам или карфагенянам и так далее. С этой точки зрения рыжие и лохматые дикари из враждебного квартала могли быть разве что потомками готов или вандалов, самое большее – лангобардов. Всего лишь годом раньше их было не видно и не слышно, потому что в нашем дворе верховодили несколько ребят с крепкими кулаками, всегда готовых показать чужакам, кто тут хозяин. Уступая силой и возрастом, я тем не менее пользовался их уважением как рассказчик и знаток, которому всегда можно задать вопрос о вещах, выходящих за рамки обыкновенного. Да и вообще, своих мы в обиду не давали, независимо от авторитета в компании, пока события не повернулись неблагоприятно для нас. Кто-то был отдан в подмастерья, чья-то семья перебралась в другой район, а сразу двое – Сильвио и косой Петруччио – отправились «обнимать весло» за поножовщину с голландскими матросами. Как всегда в военное время, республика отчаянно нуждалась в гребцах, и патриотичные судьи приговаривали к галерам без снисхождения к возрасту.

Вот так и получилось, что наш квартал лишился в одночасье всех серьезных бойцов, а тихие прежде соседи сразу осмелели. Они осмелели вдвойне, когда в окрестностях стал появляться прославленный силач и забияка Маурисио (по уличному прозвищу – Мавр) с явной претензией сделаться их вожаком. Этот оболтус был только годом или двумя меня старше и ненамного выше ростом, зато, наверно, вдвое шире в плечах. Торс, достойный античного атлета, тяжелые кулаки и полное отсутствие совести обещали большое будущее этому юноше. Меня же, даже когда я повзрослел и окреп, можно было назвать скорее жилистым, нежели мускулистым. Соотношение сил складывалось явно не в мою пользу, тем более что малодушные либо исчезли с улицы, либо предпочли пойти в прихлебатели к Мавру; в дружбе со мной остался один только сын часовщика Никколо.

Мавр обозначил свои притязания очень просто. Его компания однажды отловила нас с Никколо на улице, слегка поколотила для устрашения (сам вожак не удостоил, зато шантрапа,

крутившаяся возле него, как шакалы вокруг льва, всю изображала героев) и потребовала дань. На мои возражения, что денег для них взять негде, Мавр бросил:

– Мне плевать, где ты возьмешь. У тебя хозяин богатый. А не принесешь – потом не обижайся.

Несколько дней мне удавалось хитростью избегать встречи с врагами на улице, но вечно так продолжаться не могло. Обращаться к городской страже и вообще к взрослым считалось недостойным, все счета следовало сводить в своем кругу. Покориться негодьям – невозможно, я бы скорее умер, чем злоупотребил доверием учителя. Оставалось драться, но на кулаках против Мавра и его шайки у меня не было никаких шансов. Взяться за нож означало верную надежду на место в галерном флоте. Отчаяние подсказало мысль, которая показалась мне блестящей. На днях в приходской церкви шла служба о Давиде и Голиафе. Праща – вот оружие, которым можно победить любого великана и не запрещенное законом. Так думал я – и, конечно, ошибался в обоих пунктах. Первая ошибка стала явной на пустыре у заброшенного склада, куда мы с Никколо пробрались с самодельными пращами и полными карманами камней. Снаряды наши летели куда угодно, только не в цель. Будь Голиаф ростом до неба, я бы с трех шагов в него не попал.

А зачем бросать? – пришла в голову новая идея. Взять камень побольше, привязать на ремень – крепко, чтоб не оторвался, – и бить с раскрута. Пращи были срочно переделаны в подобие кистеней, коими мы хвастливо размахивали друг перед другом. Мы договорились не бить по голове, чтобы не убить никого насмерть, и отправились навстречу судьбе. Как нарочно, в этот день мы добрались до своего квартала без неприятных встреч. Что делать дальше? Успокоиться и отложить сражение на завтра или искать противника самим? Я колебался, пока не задался вопросом: а как на моем месте поступил бы Цезарь? Предположим, ему столько же лет, сколько мне, и нет у него ни отца-претора, ни верных рабов, готовых защитить господина...

– Идем, Николетто.

Кто ищет приключений, тот их найдет. Мне было известно, где можно встретить Мавра и его прихлебателей, но дальше все пошло не по плану. Даже не успел пустить в ход свое оружие, как мои запястья оказались стиснуты словно железными тисками. Пока верный Никколо отчаянно отмахивался от других противников, не позволяя им обойти нас на узкой улочке, я тщетно пытался вырваться из лап разъяренного Мавра, брызжущего мне в лицо слюной и ругательствами. Впоследствии за свою воинскую карьеру я не раз смотрел в лицо смерти, но никогда не испытывал такого страха.

Руки мои были совершенно бесполезны, оставались ноги – и юный подражатель Цезаря начал лягаться как конь. Творец неудачно сконструировал человеческую голень, она чрезвычайно уязвима спереди. Особенно для тяжелых бедняцких башмаков на деревянной подошве. Видимо, очередной удар получился очень чувствительным: тиски на мгновение ослабли. Я вырвал правую руку, подхватил импровизированный кистень и, забыв уговор не бить по голове, махнул прямо в висок Мавру, потом в лоб, потом по макушке, еще и еще, с силой, удесятеренной страхом и отчаянием. Я, несомненно, убил бы его, если бы он не успевал уворачиваться и закрываться руками. Мое свирепство только возросло от хруста ломающихся костей в запястье врага. Наконец он понял, что его убивают, отпрянул, споткнулся, упал на четвереньки, вскочил и побежал прочь! Сам знаменитый Мавр, гроза Каннареджо! Увидев постыдную ретираду главаря, остальные участники шайки мгновенно исчезли в переулках, и хорошо сделали, ибо в припадке бешенства я уже перешагнул все принятые в драке границы и мог еще кого-нибудь покалечить.

Победители выглядели жалко, чтобы не сказать хуже. Никколо распорол ножом рукав и слегка задел предплечье, новая одежда была закапана кровью, за что дома его ожидала неминуемая взбучка. У меня руки тряслись и зубы стучали, как у больного лихорадкой, – такое бывает иногда у молодых солдат после первого боя. Главное, чтобы не в бою, тогда солдата

лучше сразу перевести в обоз или расстрелять, а после боя – не беда. Я вообще-то очень редко дрался в отрочестве. Для этого требовались совершенно экстраординарные обстоятельства: ну как это – взять и ударить человека, ему же больно будет! Может, это особенность воспитания: тетушка часто меня ругала, но никогда не била; а может, родовая славянская черта: нас требуется сильно разозлить, чтобы заставить сражаться. Возьмите русских в Смуту или поляков во время Потопа. Те и другие начали воевать всерьез, лишь когда страна была занята врагами и казалось, что все уже кончено. Так и я вступал в драку, только если ярость прорывала все плотины в душе, а подобное случалось не часто. После случая с Мавром и вовсе не стало нужды размахивать кулаками, ибо меня никто не задирал. Находились, впрочем, блюстители кулачной рыцарственности, утверждавшие, что мы с Никколо победили нечестно. А что, двухсотфунтовый атлет против тощего книгодея – это честно? Не зря я всю жизнь любил огнестрельное оружие: оно справедливей, ибо уравнивает людей разного телосложения и силы, оставляя преимущество лишь мастерству и самообладанию.

Пожалуй, история с Мавром оказалась еще одним поворотным пунктом в моей жизни. До этого все природные задатки и житейские обстоятельства обещали мне будущее кабинетного ученого. Теперь в душе проснулось нечто иное: небогатырского сложения «алхимик» одолел заведомо сильнейшего противника, и ему это понравилось. Рассказывают, что детеныши некоторых зверей не сознают своей хищной природы, пока не попробуют крови. Я попробовал.

Интересно представить себя в должности профессора одного из небольших университетов Средней Италии, скажем, в Сиене или Перудже. Пожалуй, это была бы неплохая судьба. Но не моя: мне не было суждено стать ни итальянским профессором, ни даже просто итальянцем. Следующие годы я всячески старался сделаться французом.

Глава 2

Юность. Париж

В то самое время, когда ученик наслаждался славой победителя варваров, учителю по прихоти самолюбивого и не слишком умного главы Арсенала отказали от места – без благодарности и должного вознаграждения за сделанные им многочисленные улучшения в пороховом деле. Несколько месяцев спустя синьор Витторио почел за лучшее прислушаться к советам друзей, обосновавшихся в Париже после отмены Нантского эдикта, и перейти на французскую службу. Юридически я не имел никакого права его сопровождать, находясь под опекой родственников и будучи обязан повиноваться им до совершеннолетия. Однако рассудил, что тетушка, столь часто попрекающая племянника куском, окажется только рада освобождению от нахлебника, и умолил учителя взять меня с собой. Пробраться на судно, долженствующее отвезти нас в Марсель, все равно пришлось тайком, попрощавшись только с одним надежным Никколо.

Примерно через полтора месяца я с удовольствием наблюдал с баржи, влекомой упряжкой мулов вверх по Роне, страну военной славы великого Цезаря. Мне было решительно все равно, жить в области венетов или в Трансальпинской Галлии – провинциях великой империи, лишь по историческому недоразумению разделенных. Вот только благородную латынь потомки галлов исковеркали еще больше, чем венецианцы. Утешало лишь то, что с распространением учености неискаженный язык древних римлян становился общим достоянием образованных людей, и я льстил себя надеждой, что французы, итальянцы, испанцы и португальцы вспомнят когда-нибудь свое происхождение от римских граждан и соединятся в одном могучем государстве, которое потом отвоюет и восточную часть империи. Франция казалась наиболее подходящим ядром новой державы, а Рим все равно не годился в столицы, пока там сидел Папа и оставалось непонятно, как его оттуда выкурить. А еще надо было что-то делать с уродливым государством германских варваров – самозванцев, похитивших римское имя. И конечно, каждому невежде известно, что восточная граница Галлии – это Рейн...

Вот такие примерно мысли блуждали в моем юном уме на пути в Париж, где профессор принял почти такую же службу, как в Венеции. Чины именовались по-разному, но суть оставалась прежней: это была должность ученого советника по улучшению пороха и боевых припасов. С восторгом вступил я вслед за ним в великолепный арсенал неподалеку от столицы, где сотни служителей денно и нощно ковали военную мощь Франции: это была истинно королевская игрушка самого великого и могущественного короля на свете! Столетием прежде старый арсенал располагался в стенах Парижа, на берегу Сены близ Бастилии, однако взрыв пороха разрушил его еще в правление предков Людовика XIV. Теперь осторожность побудила Его Величество разместить артиллерийские запасы вне городской черты, между версальской дорогой и Домом инвалидов. Дом этот, лет за двадцать до описываемых событий построенный по приказу короля для солдат, получивших увечья или состарившихся на его службе, и ставший образцом для подражания всей Европе, еще более умножал мое восхищение благородством властелина Франции. Я всей душой готов был служить столь замечательному монарху и демонстрировал особое рвение, помогая наставнику в делах. Тем больше озадачивали взгляды синьора Витторио, иногда на меня бросаемые, в которых как будто сквозило недовольство. Обыкновенно мне легко удавалось понимать его с полуслова, а то и без слов, теперь же пришлось теряться в догадках, пока не хватило смелости честно спросить о причинах. Ответ был, как всегда, прямым:

- Я недоволен твоим образованием. Оно бессистемно.
- Только скажите – чего недостает? Мне хватит сил одолеть любую науку!

– Ты должен учиться в университете.

Предполагаемый студент немного растерялся, услышав это приказание. Университетская наука... нет, я ее не презирал, но она казалась какой-то оторванной от жизни, неконкретной и бесконечно скучной. Она ничего не давала для воинского искусства. И учились там люди намного более взрослые. И наконец, на ум пришел самый главный аргумент против:

– А кто же будет вам помогать?

– Ты и будешь. В свободное от учебы время. У тебя достаточно способностей, чтобы успеть все сразу.

– А меня примут? В смысле, по возрасту?

– В Сорбонне есть пятнадцатилетние студенты. Возраст не главное. Ты подготовлен гораздо лучше многих бездельников, наполняющих аудитории. Прежде всего у тебя отличная латынь, это сэкономит много сил и времени для другого.

С воодушевлением и поднятой головой входил я в королевский арсенал, с сомнением и неохотой, застенчиво сутулясь, пробирался под вековые своды храма науки. В конце концов рассудил, что наставник сам учился и других учил в университете, и ему лучше знать, хорошо ли это. И правда, ничего страшного не случилось, меня даже не очень сильно высмеяли. Парижский университет собирал взыскующих мудрости юношей с половины Европы, он видел и более причудливые экземпляры человеческой породы. Добродушно-насмешливые прозвища «квирит» и «римлянин», скоро приставшие ко мне, носимы были с подобающим достоинством, как графский титул. Впоследствии ближайшие друзья, узнавшие о воинственных мечтах собрата, стали дразнить меня «Александром Великим», что тоже было, в общем, не обидно. Начав посещать лекции по факультету искусств, я, подобно капризному ребенку за обеденным столом, выбирал кусочки повкуснее, к примеру заинтересовавшие меня разделы математики и натуральной философии, а вот древнегреческий язык, при неоднократных попытках, не осилил, о чем до сих пор жалею.

Зато астрономия и механика нашли во мне верного адепта. Тогда было в моде сочинение Фонтенеля «Беседы о множественности миров». Помню, как мы с друзьями за бутылкой дешевого вина (одной на пятерых) всерьез обсуждали возможный облик предполагаемых писателем обитателей Луны и Марса и спорили, возможно ли сделать такой телескоп, чтобы разглядеть если не самих жителей планет, то хотя бы их поля, каналы, корабли и здания. В продолжение разговора на другой день один из собеседников принес потрепанную книгу с рукописными добавлениями на полях, я прочитал название – и замер: «Государства и империи Луны»! Сочинение какого-то де Бержерака, издано лет сорок назад! Книга оказалась совсем не в духе невинного Фонтенеля: острая и веселая сатира, не щадящая ни религии, ни философии, ни общепринятой морали. Да еще полный вариант, с цензурными изъятиями, вписанными от руки! Словом, квинтэссенция французского вольнодумства. После Сирано поиски первоисточника повели меня дальше, к Гассенди и Эпикуру. Если в детстве я блуждал между римским язычеством и христианской верой, но не отрицал существования высших сил, то теперь на вопрос о бытии Божьем отвечал «не знаю». Идея, что боги, если и существуют, не вмешиваются в ход бытия, произвела на меня глубокое впечатление. Это не привело, однако, к отрицанию нравственности. Вообще я часто замечал, что существует какой-то принцип равновесия, подобный закону сохранения материи и обеспечивающий воздаяние за дела людские еще на этом свете. Назовем его «Закон сохранения добра и зла». У древних он воплощался в безличном Роке, пред коим даже боги бессильны. Иной раз расплата переходила на потомство, превращаясь в родовое проклятие, – кровь Атридов, к примеру...

Но гораздо больше, чем религиозные и нравственные вопросы, интересовало пытливого юношу строение природы. Мой юный ум захватили в плен ученые трактаты, иные из которых приводили в полную десперацию безмерной сложностью. Однако я был слишком упрям и горд, чтобы капитулировать перед великими, признав свою неспособность, и продолжал с перемен-

ным успехом сражаться то с Декартом, то с Гюйгенсом, то с самим Ньютоном. Вышедшие из печати несколькими годами прежде всего «Математические начала натуральной философии» надолго стали для меня настольной книгой.

Было бы, однако, ошибочно думать, что Эпикур и Ньютон совершенно овладели моим вниманием в студенческие годы. Больше всего времени я проводил в арсенале или на пороховых мельницах, помогая наставнику приводить в совершенство оружие и боевые припасы для королевской армии. Другим нашим занятием были опыты по изучению минералов, используемых для получения цветных фейерверков и цветного стекла, – синьор Витторио надеялся найти соответствие между этими двумя рядами и раскрыть некоторые секреты муранских стеклодувов, ревниво хранимые венецианцами. Фейерверки, кстати, французские аристократы тоже стали заказывать, даже с большим размахом, чем в Венеции, и немалая часть трудов по их изготовлению выпадала на мою долю. Все эти занятия, вместе с университетом, почти не оставляли свободного времени для свойственных молодости развлечений. Я об этом не жалел, потому что и денег на развлечения не было, а злоупотреблять щедростью друзей не позволяла гордость бедняка. Любовных приключений также имел не слишком много. В наш век (равно в дни моей юности и сейчас), если юноша беден, он может рассчитывать примерно на такое же отношение со стороны прекрасного пола, как сидящий на улице бродяга. Если он хотя бы хорош собой, еще есть шанс вызвать жалость, если нет – одно безразличное отвращение будет его уделом. Чем на сие отвечать? Разве принять гордый и неприступный вид и постараться убедить самого себя, что надо быть выше этого. Я долго не знал женщин и не пользовался успехом у них.

Кому-то может показаться странным, что королевское жалованье вместе с дополнительными доходами не обеспечивало нам с учителем зажиточного существования. Но средства профессора оказались полностью истощены переездом из Венеции, и для обустройства в Париже пришлось сделать займы. Проценты у парижских ростовщиков просто грабительские, особенно если залог составляют вещи, кажущиеся им недостаточно ценными, как старинные книги или что-то подобное. Жалованье казна платила без задержек только при Кольбере, а заказы на фейерверки тоже пошли не сразу. Оплату за обучение приходилось вносить в полном размере: в Парижском университете существовали коллегии с льготами для небогатых студентов, но они были организованы по принципу землячества и мне заведомо не подходили. Наставник шутил, что мы с ним живем как настоящие аристократы – главную статью расходов составляют проценты по долгам. У нас были все основания считать себя счастливее других, потому что многим приходилось гораздо тяжелее. Седьмой год шла война за наследство Виттельсбахов. Францию поразил страшный неурожай, сотни тысяч бедняков умерли от голода или ожидали подобной участи. Цены на хлеб взлетели до небес.

Иногда мне приходилось сопровождать профессора в служебных поездках, чаще всего это были посещения пороховых мельниц, не далее двадцати или тридцати лье от столицы, и продолжались они не больше недели. И вот однажды, летом девяносто пятого года, он заявил, что предстоит длительное путешествие: мы отправляемся во Фландрию, в действующую армию. Я до утра не мог заснуть от волнения: кажется, мои мечты о воинских подвигах осуществляются! Действительность оказалась более прозаичной. С пороховым обозом мы тащились по равнинам Иль-де-Франс и холмам Пикардии так долго, что едва успели принять участие в знаменитой бомбардировке Брюсселя, предпринятой Виллеруа для отвлечения противника от Намюра. Я должен защитить маршала от обвинений в жестокости, часто предъявляемых ему за превращение огромного богатого города в дымящиеся руины. Жителям была дана возможность заблаговременно выйти из-под обстрела, и немногочисленные жертвы составили в большинстве мародеры из городской черни, застигнутые французскими бомбами на месте грабежа. Зрелище грандиозного пожара было чрезвычайно впечатляющим.

Скоро выяснилось, что Брюссель мы сожгли без всякой пользы: Вильгельм Оранский не сошел с выгодной позиции, а ван Кохорн добился реванша за поражение от Вобана и взял Намюр на капитуляцию. Военные дела оборачивались не лучшим образом. Зависть к могуществу французского короля создала ему слишком много врагов, армии пришлось разделить между Фландрией, Рейном, Пьемонтом и Испанией. Виллеруа оказался не равной заменой недавно умершему герцогу Люксембургскому. Некоторое время считали вероятным, что крепостную артиллерию Флерюса и Шарлеруа ожидает скорая проверка в бою. Инспекция орудий и приведение в готовность были поручены моему наставнику и исполнены им, после чего стало известно, что утомленный противник не собирается наступать и ставит войска на зимние квартиры. Мы получили возможность вернуться в Париж, только по дороге, уже на старой французской территории, были ограблены до нитки шайкой дезертиров. Вместе с другими пассажирами почтовой кареты, имея шпаги и пистолеты, можно было попытаться оказать сопротивление окружившим экипаж вооруженным оборванцам, но ехавший с нами пехотный офицер оценил количество разбойников и запретил драться:

– Они нас на части разорвут. Лучше отдать им деньги по-хорошему.

Отдать пришлось и деньги, и вещи, и одежду, и сапоги – до сих пор помню острое чувство унижения – босиком, в одном белье плестись по ледяным осенним лужам в ближайшую деревню, а там упрашивать боящихся всего на свете крестьян впустить нас. Гнусные разбойничьи рожи долго еще мне снились. Днем я готов был с достоинством встретить любую опасность, но во сне переставал собой владеть и просыпался иной раз посреди ночи в холодном поту с ощущением крайнего ужаса. Крайне болезненно переживая эту слабость, которую почитал постыдной трусостью, я искал способ избавиться от нее, и мне показалось естественным найти решение при помощи науки в области оружейного дела. Следовало придумать нечто способное перевесить любое численное превосходство противника. Вот тогда можно будет отправиться на место разбоя и отыгаться.

Холодное оружие всех видов было отвергнуто сразу. Самый искусный фехтовальщик может сражаться не более чем с двумя противниками средних способностей, трое моментально его одолевают. Пороховые гранаты – хорошо, но неприменимы вблизи и неприцельны. В общем, то, что первым нарисовалось в моих фантазиях, представляло собой многоствольный пистолет. Сия идея прожила очень недолго, ведь совершенно очевидно, что несколько обыкновенных пистолетов удобнее и надежнее, чем неповоротливое тяжеленное чудовище с несколькими стволами и замками. Довольно быстро родился вариант с составным стволом из короткой зарядной камеры и длинной трубки, присоединяемой к ней перед выстрелом на резьбе или фигурных выступах. Однако на каждую решенную проблему появлялись две новые. Я обратился к трактатам по оружейному делу, имевшимся во множестве в библиотеке моего учителя, которые раньше просматривал из любопытства, а ныне подверг допросу с пристрастием. На королевской службе профессору постоянно приходилось соприкасаться с оружейниками, среди которых были чрезвычайно умелые. Они хорошо знали меня; некоторые из них готовы были помогать советами и даже более того. На какое-то время оказались забыты философия и математика, и все мои силы обратились на новое увлечение. Вечером при свечах я изучал бесконечно разнообразные конструкции, придуманные лучшими умами человечества для убийства себе подобных, а с утра отправлялся брать уроки оружейного искусства у наиболее добродетельных мастеров.

Одной из самых оберегаемых учителем книг был небольшой рукописный кодекс почти двухсотлетней давности, принадлежавший либо самому Леонардо да Винчи, либо человеку, достаточно близкому к нему, чтобы делать выписки из дневников ученого. Только теперь я впервые получил позволение изучить рукопись. Мне хотелось верить, что руки Леонардо касались страниц, ныне мной перелистываемых (хотя известно, где хранится архив великого тосканца: пол-лье на северо-восток и через речку, в Лувре). Рисунки диковинных многоствольных

орудий, в которых стволы небольших фальконетов располагались на горизонтальном круге, подобно спицам каретного колеса, и стреляли по очереди при вращении этого колеса смерти, сменялись изображениями гигантских крыльев, как у летучей мыши, только вместо зверька был человек. На мой вопрос наставник ответил, что Леонардо много лет работал над летающей машиной, но так и не достиг успеха:

– Скорее всего, это доказывает неисполнимость задачи.

– Хм?

Авторитет синьора Витторио был велик, но меня уже научили требовать во всем доказательств. Летающие машины нагло чирикали на ветках и гадили прохожим на головы (я недавно прочитал Декарта, его трактовка живых существ выглядела убедительно). Представил, как пролетаю над врагами подобно птице и бросаю ручные гранаты прямо в их толпу – красиво, но браться за проблему, пред коей отступил великий Леонардо, было бы безумной самонадеянностью. Да и каким местом бросать, если руки заняты крыльями? У птиц хоть ноги цепкие. Нет, не годится.

Я снова вернулся к огнестрельному оружию, и здесь наследство да Винчи оказалось все же полезным. Это он изобрел колесцовый пистолетный замок, который заводится ключом подобно карманным часам с пружиной. Мне пришло в голову, как изменить конструкцию, чтобы с одного завода получать искры не один раз, а несколько, при последовательных нажатиях: небольшая, но уже серьезная инвенция. Профессор не стал брать королевский патент, а предпочел договориться с чиновником, курировавшим арсенал, о передаче изобретения казне за вознаграждение: нам деньги требовались быстро. Еще и сейчас оружие с такими замками делается иногда во французских мастерских. А тогда мы были довольны, что сумели частично расплатиться с долгами и запастись топливом и одеждой на зиму. У меня очень прибыло уверенности в себе. Так первая, пусть маленькая, победа поощряет к дальнейшим усилиям.

Каждый час, свободный от обычных занятий, посвящался оружейным изысканиям. Теперь у меня был замок многократного действия. Части составного ствола после опытов в железе поменялись местами: мне показалось правильным длинную закрепить жестко, а зарядную переставлять, ибо она впятеро легче и короче. Следующим препятствием оказалась пороховая заправка. Как устроить, чтобы не подсыпать ее каждый раз при замене зарядной части?

Усердный труд не всегда вознаграждается. Опыты сильно затянулись, я много раз переходил от уверенности в близком успехе к полному разочарованию и обратно, приостанавливал дело и снова к нему возвращался, подобно пьянице, не способному справиться с пагубной страстью. Наконец пессимизм возобладал, но после таких значительных усилий и затрат мне недоставало мужества признать неудачу, а равно – надлежащего повода эти усилия прекратить.

Мой наставник взирал на сии труды преимущественно с той точки зрения, насколько они будут полезны для образования юноши, не слишком рассчитывая на прямые результаты. Он, разумеется, помогал, но в своей манере, предпочитая, подобно Сократу, побуждать мыслить, а не навязывать готовые мнения. Его твердое убеждение гласило, что чрезмерная опека губительна для молодых умов, и мне предьявлялись лишь требования не пренебрегать университетской наукой и в меру сил помогать ему в занятиях по службе. Последний год эти занятия заключались в приготовлении боевых припасов для осадной артиллерии.

Весной девяносто седьмого года желанный повод для перемены занятий нашелся. Война с Великим Альянсом явно клонилась к миру, но для придания веса речам дипломатов король повелел предпринять осаду важной крепости во Фландрии. Жаль, что в то время русский язык оставался мне неизвестен, вышел бы прекрасный каламбур. Название по-русски звучит зловеще: город Ат. Туда мы и прибыли с осадным парком, чтобы устроить такой же ад, как в Брюсселе двумя годами раньше. Армией командовал маршал Катина, а распоряжался осадой Вобан – два полководца, коим я наиболее симпатизировал. Будучи незнатного происхождения (один – сын парижского чиновника, другой – сын провинциального дворянина, в десять лет

оставшийся круглым сиротой), оба добились успеха собственным трудом и талантом и представляли в моих глазах героев, которым хотелось подражать.

Это было переходное время, когда артиллерия уже стала постоянным формированием при королевской армии, но мастера-артиллеристы еще не считались офицерами и не имели воинских рангов. Синьор Витторио исполнял должность помощника главного мастера, заведующая пороховой частью. Мое амплуа – ученик помощника, то есть «мальчик на побегушках» с широким и весьма неопределенным кругом обязанностей. Раньше, под Брюсселем, я только начинал порохом мортирные бомбы, теперь же поставил себе задачу выучиться стрелять из пушек, для чего испросил позволения во всякое время, когда не нужен наставнику, присоединяться к канонирам. Прошло уже много времени после предыдущего нашего несчастливого путешествия, ночные кошмары отступили, как и наивное желание непременно разделаться с разбойниками. Осталась мысль, что возможно посредством знания добиваться превосходства в силе, то есть в оружии, над любыми противниками – а сила всем нужна и легко обменивается на славу, власть и богатство по самому выгодному курсу.

По своему положению мы с наставником почти ежедневно присутствовали на утренних совещаниях, устраиваемых великим фортификатором с армейскими командирами и артиллеристами. Благодаря этому я понимал смысл действий, мог оценить красоту замысла Вобана и наблюдать триумфальное шествие математики по полю боя. Точный расчет расположения орудий, дистанций и направлений огня, использование в полной мере преимуществ фланговой позиции для рикошетной стрельбы и средства, препятствующие противнику использовать те же возможности, – все это представлялось мне блестящим воплощением моей любимой идеи о превращении знаний в военную мощь. Я лез из кожи вон, силясь придумать что-то позволяющее выделиться в глазах командующего, однако добавить к продуманной системе великого мастера своим неопытным умом ничего не мог и оставался лишь одним из тысяч исполнителей, маленькой пешкой на его шахматной доске. Хотя Вобану было изрядно за шестьдесят, он еще сохранял телесную силу и здоровье, целые дни проводя на позициях вместе с канонирами. Я тоже дневал и ночевал возле пушек, но, как ни старался мозолить глаза начальству, его взгляд на мне не останавливался. Было даже немного жаль, что превосходно укрепленная крепость сдалась на капитуляцию всего через три недели: гарнизон вышел со знаменами, только без труб и барабанов. Потери с обеих сторон оказались нереально малыми, почти как в Брюсселе в свое время: но там собранная отовсюду могучая артиллерия вслепую разрушала почти незащищенный город, покинутый жителями, здесь же сильный и умелый противник был мастерски обезоружен прицельными ударами, экономно нанесенными в уязвимые пункты. Разница в манере действий – как между дикарем с дубиной, яростно бросающимся на врага, чтобы переломать ему все кости, и опытным фехтовальщиком, несколькими неуловимо быстрыми движениями выбивающим оружие из рук соперника. Все мое восхищение было, конечно, на стороне фехтовальщика, то есть Вобана. Мысли вращались вокруг способов наведения пушек и расчета траекторий не только до конца кампании (мир был заключен в сентябре), но и по возвращении в Париж. Профессор математики Лемер, к которому я обратился по совету наставника за разъяснением некоторых сложных моментов, развел руками:

– Эти вопросы, юноша, все еще дискутабельны. Если бы пушечные ядра подобно планетам летали в пустом пространстве, рассчитать их движение было бы просто. Однако здесь мы имеем движение с переменной скоростью, от которой, в свою очередь, зависит дальнейшее замедление – и по какому закону зависит, пока не ясно.

Проблема была в сопротивлении воздуха движению тел. Как измерить его для летящего ядра? Оставляя на будущее строгое доказательство подобия плотных и разреженных текучих субстанций, я решился заменить воздух водой. В моем распоряжении была Сена: выбрать участок с равномерным течением и опустить в воду утяжеленный свинцом до равновесия деревянный шар на тонком шнурке, привязанном к пружинным весам. Наняв маленькую лодку, поза-

бывший обо всем экспериментатор мок под ледяным осенним дождем, доколе не простудился. Пока лежал в постели и сморкался, показалось интересным сравнить силу сопротивления в зависимости не только от скорости потока, но также от размера и формы погруженного тела. Наделал разных объемных фигур – шаров, цилиндров, конусов, полушарий – и после выздоровления, выждав хорошую погоду и тепло одевшись, продолжил измерения. Консультируясь и с моим наставником, и с Лемером, я постепенно продвигался к истине. Только зависимость от формы не поддавалась математическому выражению. Понятно было, что сопротивление меньше у тел гладких и вытянутых очертаний; когда обнаружил, что форма рыбы идеальна для плавания, это даже отвело меня от крайних атеистических учений. Не зря Иисус сделал рыбаков ловцами человеков.

Надлежало применить найденные правила к расчету траекторий и проверить настоящей стрельбой. Конечно, никто не дал бы мне пушек специально под студенческие опыты, но этого и не требовалось: на обширном поле у арсенала часто велись стрельбы для обучения артиллеристов или испытания пороха, и не составляло труда договориться о своем участии.

Наибольшую трудность составляла математическая сторона: я не любил тригонометрию и чувствовал себя не очень уверенно среди синусов и косинусов, а они непременно вылезали в расчетах, как только угол возвышения пушки делался отличным от нулевого. Хуже того, криволинейное движение ядра происходило, как заметил профессор Лемер, с переменными скоростью и замедлением и для своего описания требовало анализа бесконечно малых величин, тогда еще бывшего достоянием очень немногих ученых. Однако дело стоило усилий: во-первых, выходила отличная работа для получения степени по окончании университетского курса, во-вторых, после защиты можно было опубликовать эту диссертацию с посвящением Вобану и преподнести ему с надлежащими церемониями, чтобы уж точно не остаться незамеченным. Главное, трактат должен получиться не просто хорошим, а блестящим, и непременно с перспективой практического применения в артиллерии. Тогда могли бы исполниться мои самые смелые мечты о военной карьере.

Много времени я провел между пушек и математических трактатов, но с полной достоверностью подтвердить свои предположения опытом не мог, потому что точность измерения угла возвышения орудий и времени полета ядер оставляла желать лучшего. Придуманные специально для сего часы со стрелками, отмеряющими секунды и их доли, и угломерный прибор, сочетающий плотницкий уровень с поставленной вертикально астролябией, существовали только в моей голове – заказать не было средств. Наше денежное положение стало много хуже с тех пор, как сменился куратор королевского арсенала.

Я должен предъявить претензию своей памяти. Имена достойных людей в ней сохранились хуже, чем образы дураков и негодяев. Не могу вспомнить, как звали предыдущего начальника, зато советник Рише стоит как живой перед глазами. Маленького роста, при этом чрезвычайно и бестолково деятельный, он сразу пробудил остроумие подчиненных: «Насколько надо вырасти нашему Рише, чтобы стать великим?» Ответ: «Достаточно прибавить *лье*». Потом шутники быстро примолкли. Конечно, сокращение финансирования по окончании войны не было личной инициативой советника, но то, *как* он его проводил, показывало всю изнанку скаредной души. Мне просто хотелось убить эту гадину за унижения, кои претерпевал мой учитель.

В то время ученое сословие балансировало на узкой грани между благородными и простолюдинами. Когда синьор Витторио оставил кафедру в Болонье и перебрался в Венецию, рассчитывая со временем получить место в Падуанском университете, друзья и коллеги по старой памяти продолжали называть его профессором, хотя он и не дождался предполагаемой вакансии, приняв вместо этого службу в Арсенале. В Париже он, в общем, сохранял прежнее уважение в узком кругу ученых людей, но в глазах Рише оказался кем-то вроде обычного порохового мастера, которому непонятно за что платят слишком большое жалованье. Дело не сво-

дилось к деньгам. Как в России самыми жестокими помещиками часто бывают выслужившиеся холопы, так выскочка Рише всячески старался подчеркнуть непреодолимую грань, ниже которой находились подчиненные ему мастера и работники – и мой наставник, по его мнению, в их числе. Он почти в глаза грозился «поставить на место этого вздорного старикашку» и для начала предложил выбор: уменьшение жалованья в три раза либо полное увольнение от дел. Учитель выбрал первое только затем, чтоб дать мне возможность довести до конца артиллерийские опыты и связанный с ними трактат. Но закончить их оказалось не суждено.

Глава 3

Успех и катастрофа

Сообразно денежному положению, нам пришлось перебраться в более дешевое жилище – отныне мы с синьором Витторио снимали половину маленького одноэтажного дома на самой окраине предместья Сен-Жермен. Более всего меня удручало, что книги негде было поставить и пришлось хранить в сундуках. На них же мы и спали, но вторая комнатка, с печью и плитой, была выделена под химическую лабораторию. Приготовление фейерверков и сопутствующие опыты заняли место важнее, чем прежде: на них теперь держались и плата за университет, и артиллерийский трактат, и моя будущая карьера, и спокойная старость учителя. Я не ожидал никаких чудес, когда промозглым зимним вечером пытался по распоряжению наставника растворить в кислоте некий минерал, применяемый в стекольном деле. Купоросное масло почти не действовало на него, и пришлось перейти к крайним мерам – залить царской водкой и подогреть. Желтовато-бурый вонючий дым, выходящий из носика глиняной реторты, свидетельствовал, что дело движется, однако нюхать эту гадость мне совсем не хотелось: я имел как-то раз несчастье отравиться испарениями селитряной кислоты, и теперь приставил к реторте на горячую плиту миску с раствором поташа таким манером, чтобы дым выходил прямо в жидкость. Всем известно, что поташ охотно поглощает подобные испарения, превращаясь в обыкновенную селитру. Когда процесс закончился и дым перестал идти, я занялся обработкой полученного раствора, а вонючую миску выставил за порог. Снаружи к этому времени дождь сменился снегом. Через пару часов необходимые химические процедуры закончились, и можно было, накинув камзол, выйти под снегопад подышать. Мне всегда нравился свежий снег – наверно, русская порода сказывалась. Забрал миску, выплеснул остатки раствора – на дне уже выпали кристаллы селитры, я соскребаю часть их щепкой и бросаю в печку на раскаленные угли. Вернувшийся через несколько минут наставник застал меня внимательно разглядывающим оставшиеся кристаллы на бумажке перед целыми пятью свечами.

– Ты уже сделал всё, что я просил?

– Почти всё. Но это не важно. Я нашел новый способ очистки селитры!

Синьор Витторио скептически покачал головой, – он знал о селитре больше, чем любой другой человек в мире, – однако надел самые сильные свои очки и взял еще лупу, чтобы рассмотреть мою добычу. После долгого комбинирования стекол (последний год его зрение совсем упало) профессор повернулся ко мне и с легкой укоризной сказал:

– Это не селитра.

– Как же не селитра, учитель? Смотрите!

Задетый таким недоверием, я перевернул бумажку над углями. Некоторое время наставник молчал.

– У ТЕБЯ ЕСТЬ ЕЩЕ ЭТИ КРИСТАЛЛЫ?

До меня начало доходить, какой я дурак. Надо быть полным кретином, чтобы выбросить в огонь единственный образец субстанции, которая, чем бы она ни была, превосходила обыкновенную селитру силой, как дикий тигр – обленившегося домашнего кота!

Вспомнив в мельчайших подробностях и записав последовательность моих действий, остаток вечера и всю ночь мы с наставником пытались вновь получить замечательную субстанцию. Все было бесполезно. Я силился понять, что еще мы делаем не так.

– У меня миска стояла прямо на плите и сильно нагрелась. Пришлось прихватывать тряпкой, когда выносил.

К этому времени ранее приготовленная царская водка была израсходована и заменена смесью купоросного масла с селитрой и солью. Идентичность действий этим нарушилась. В

душе нарастало ощущение неудачи. Бледный зимний рассвет застал нас колдующими над раствором, остывающим в снегу. Профессор был всклокочен и небрит – ученик, вероятно, выглядел не лучше.

– Что-то есть.

Самым трудным оказалось набраться терпения на следующие полчаса, пока кристаллизация закончилась.

– Почему вы считаете, что это не селитра?

– Блестит по-другому. А так кристаллы очень похожи. Разница как между стеклом и алмазом.

– А поведение в огне?

– Ну ты же видишь разницу в силе. Субстанция родственна селитре, как родственны друг другу металлы. Или земли. Если верить древним, люди когда-то знали одно золото. Только потом открыли серебро. Может быть, селитроподобных субстанций так же много, как металлов. Пять веков знали одну селитру, мы с тобой открыли ее аналог. Первый аналог, потом будут другие.

Несмотря на усталость, профессор мыслил, как всегда, ясно. Логика его была безупречна. Он выглядел совершенно счастливым человеком.

– Теперь эти невежды поймут, какие они ничтожества.

– Они к вам на коленях приползут!

На этой оптимистической ноте мы пошли завтракать и отсыпаться. Ценность открытия была слишком очевидна: его следовало не спеша, вдумчиво и в глубоком секрете (особенно от членов цеха сальпетриеров) довести до практического применения. Через несколько дней фейерверк на свадьбе третьей дочери герцога Валентинуа оказался, прямо скажем, невзрачным. Мы с наставником были увлечены другим делом.

Прежде всего занялись поиском оптимальной пропорции ингредиентов и после ряда опытов с удивлением поняли, что селитра не принимает совершенно никакого участия в рождении кристаллов. Судя по всему, резко пахнущие зеленовато-желтые испарения, отличающиеся от красновато-бурых селитряных, представляли собой эманацию новой селитроподобной сущности, изначально заключенной в минерале и освобождаемой действием кислоты, а содержащейся в поташе щелочью связываемой в известные нам кристаллы. После этого я предложил называть новую субстанцию «очищенной селитрой», чтобы запутать желающих похитить нашу тайну. Так она и осталась без собственного названия.

Мы сделали из кристаллов порошок, смешали с серой и углем в обычной пропорции и испытали новый вид пороха. Он был превосходен. Во время этой работы обнаружилось еще одно, совершенно неожиданное свойство. При растирании новой субстанции в ступке вместе с серой происходили небольшие взрывы, не захватывающие всю смесь, но достаточные, чтобы медный пестик ощутимо бил по руке, а глиняная ступка раскололась. Пришлось кристаллы растирать отдельно, а смешивать с серой в кожаном кошельке деревянной ложечкой. Однако нам показалась примечательной и полезной способность смеси взрываться от трения, давления или удара (мы еще не знали, что взрыв иногда происходит и просто так, без причины). Профессор сразу развернул широкие перспективы возможных применений: бомбы, взрывающиеся от удара о землю или при попадании в борт корабля; мины особого образца; и самое для меня интересное – затравки для ружейной и пистолетной стрельбы, действующие новым способом. Почти забытая детская наивная идея многозарядного или быстрозарядного оружия стремительно наливалась жизненной силой.

Все прочие мои дела оказались отставлены, профессор вытребовал в арсенале отпуск без жалованья. Самозабвенно, с утра до вечера, нередко забывая про еду и сон, мы занимались опытами, призванными поднять искусство умерщвления людей на небывалую прежде высоту. Я сожалел лишь о том, что невозможно было испытывать наши творения в доме или возле

него в саду: соседи и так считали нас колдунами-чернокнижниками, которые рано или поздно устроят пожар своими фейерверками, и поэтому сами грозились нас спалить (где тут логика, хотел бы я знать?!). Приходилось ехать в Булонский лес ради каждого взрыва или выстрела, ближе подходящего места не нашлось. Это сильно затягивало дело, и только весной профессор решил: у нас есть что показать министерству. Усилия, сделанные им для того, чтобы быть выслушанным, заслуживают целой героической поэмы. Тридцатилетний Луи Франсуа Мария Ле Телье, уже семь лет занимавший место военного министра после своего отца, знаменитого Лувуа, мало занимался делами, предпочитая развлечения в компании принцев королевского дома. Полагаю, сие невмешательство было величайшим счастьем для государства. Вздумай он управлять армиями, скорая гибель Франции была бы неизбежна, как восход солнца. Однако министр Луи (как все его называли за глаза) унаследовал от отца толковых помощников. Один из них, опытный Дюбуа (дальний родственник известного кардинала), возглавил комиссию, участвовали также Рише и секретарь де Шантильи. Тяжкая обида омрачила мою душу, когда профессор в день испытания наших инвенций решительно, невзирая на возражения, приказал мне идти в университет и быть целый день на публике.

– Эти люди способны на любую низость. Даже похитить или убить меня, чтобы завладеть секретами. Но они не осмелятся, если ты останешься на свободе и сможешь их разоблачить.

Он разумел, конечно, не министерских чиновников, а клеветов Рише, стремившихся превзойти хозяина в подлости. Все равно его подозрения показались мне сильно преувеличенными: нелепой старческой мнительностью, которую придется, однако, терпеть. За прошедшие годы у меня выработалось безошибочное чутье, когда с ним можно спорить, а когда не стоит.

Наука не шла в голову, знакомые спрашивали, почему меня не было так долго и не болел ли, я рассеянно кивал, соглашаясь, что да, болел, а сам уносился мыслями в арсенал и, возвращаясь домой, пытался угадать, встречу синьора Витторио или еще нет.

Я встретил там советника Рише в окружении стражи.

– Арестуйте его немедленно, он тоже в заговоре!

Без всяких объяснений и без сопротивления меня отвели в казарму при арсенале и заперли в карцере для проштрафившихся солдат. Недоумевая, неужели предположения профессора оправдались и Рише затеял какую-то гнусную интригу с ложными обвинениями в заговоре, я вскоре узнал, что дело обстоит еще хуже. По коридору загрохотали шаги и раздались голоса:

– Ну, что там в арсенале?

– От Шантильи одни подметки остались, Жерар-сапожник опознал. А от двух других и того нету.

После ночи в карцере меня вызвали для допроса, и удалось узнать подробности. Собственно, то, что произошел взрыв, было уже понятно – а никого, способного пролить свет на его причины, в живых не осталось. Рише, задержавшийся, чтобы дать нагоняй нерадивым подчиненным, один спасся и в крайнем испуге вообразил, что взрыв – результат заговора против него. Собравшиеся на другой день высокие чины (даже министр соизволил) разобрались, что произошел несчастный случай, в котором ученик погибшего профессора вовсе не замешан, и, даже не пытаясь выяснить, какие же инвенции покойный хотел представить на рассмотрение высокой комиссии, отпустили меня домой.

Я плелся по версальской дороге, пошатываясь от слабости (за сутки ни тюремщики, ни сам узник не вспомнили, что человека надо кормить) и сторонясь пролетающих мимо карет. В уме моем не вмещалось, что профессор умер, – может быть, потому, что тел не осталось и погребения не было, как если бы они с Дюбуа, подобно Еноху, вознеслись живыми на небо. Непонятно, каким образом случился взрыв в самом начале испытаний – у нас не имелось заранее начиненных бомб, а без оболочки порох не взрывается, если только его количество не измеряется бочками – тогда инерция внешней части заряда может заменить сопротивление

оболочки. Мы же приготовили для показа не более пятидесяти фунтов. Будь проклят день, когда мое внимание привлекли чертовы кристаллы! Это был неправильный порох, и он приносил одни несчастья.

В доме, как и вчера, хозяйничали незнакомые люди, но, кажется, уже другие. Какой-то выбритый до синевы, адвокатского вида бесцеремонный субъект остановил меня на пороге:

- Куда вы?
- Я здесь живу.
- Вы родственник покойного?
- М-м-м-м... Я его ученик.
- Ваше обучение закончено. Идите отсюда.

С большим трудом удалось удержаться, чтобы не поступить с мерзавцем как он того заслуживал. Действовать надлежало хладнокровно: когда приставы описывают ваше имущество, не надо их бить. В правильном государстве сила всегда будет за ними. Среди гнусных рож, выглядывающих из лаборатории, некоторые были мне знакомы и принадлежали нашим кредиторам.

– Ваши действия незаконны. Часть имущества принадлежит мне, и я никому его не закладывал. У вас нет моих расписок.

- Надо еще доказать, что тут есть ваши вещи. Кто это может подтвердить?
- Один момент. Позвольте мою чернильницу.

На соседей рассчитывать не приходилось. Пару секунд подумав, сочинил записки нескольким знакомым студентам по факультету права и послал соседского мальчишку их отнести, сам же встал посреди комнаты, заявив, что буду наблюдать, чтобы ничего не пропало. Письма несколько охладили наглость захватчиков (Бог знает, кто может явиться на зов), и они не пытались меня выставить, однако дело свое продолжали. Примерно через час прибыл один из моих приятелей:

- Анри Тенар, бакалавр права. А вы, месье, кто такой?
- Жан Шампенуаз, частный пристав. Прево Тенар ваш родственник?
- Отец. Предъявите основания ваших претензий на имущество моего друга.
- Помилуйте, никто не претендует на его имущество. Нужно только разделить вещи вашего друга и вещи месье Читтано, векселя которого опротестованы. Вы сможете нам помочь?
- Разумеется.

Анри повернулся ко мне. Я объявил своей собственностью сундук с наиболее ценными книгами (на котором обычно спал), присовокупив к нему рукописи по артиллерийскому делу и ящик со слесарными инструментами, любовно подобранными во время увлечения пистолетным ремеслом. Жаль, что химическую лабораторию нельзя было забрать: весь Париж знал фейерверки «месье Читтано». Анри любезно засвидетельствовал, что указанные вещи действительно мои, предложил представить еще свидетелей, был самым вежливым образом заверен, что в этом нет необходимости, – затем, одолжив у соседей садовую тележку, мы погрузили спасенное имущество и удалились, провожаемые голодными взглядами ростовщиков.

Воспользовавшись великодушным предложением моего друга провести некоторое время в доме его отца, я заранее решил не злоупотреблять гостеприимством, чувствуя себя чужаком среди самоуверенных законников. Прежде всего следовало уладить дела в университете. Накопился большой долг за обучение, но благодаря сочувствию ученого сообщества моему несчастью и доброжелательной аттестации математика Лемера мне было дано позволение представить магистерскую диссертацию, как только она будет готова. Сие милостивое предложение могло любого поставить в тупик: для завершения диссертации требовалась как минимум пушка, а лучше несколько, разных калибров, и дорогостоящие измерительные приборы к ним в придачу. После недолгих размышлений пришла ясность, что закончить опыты можно только

на казенный счет, а поскольку Рише запретил даже близко подпускать меня к арсеналу, никто был не в силах мне помочь, кроме Вобана.

Целый день я провел, нервно расхаживая по комнате и сочиняя фразы, которые скажу, добившись аудиенции, и на следующее утро, сжимая в руках сверток с рукописью, робко позвонил у дверей парижского особняка своего кумира. Запинаясь от волнения, спросил у выглянувшего на мой звонок величественного, прекрасно одетого лакея, дома ли хозяин, и попросил доложить обо мне. Привратник окинул меня взглядом – в мгновение ока гость был измерен, взвешен и найден легким. Потертые башмаки, дешевые нитяные чулки, панталоны и камзол с мелкими дырочками, прожженными кислотой, несвежая рубашка (а где ее взять, свежую, если даже белье не вспомнил забрать из дома, только книги и инструменты) – мне разом дали почувствовать, что это всё тяжкие пороки, если не преступления. Лакей был слишком хорошо вышколен, чтобы просто выгнать непрезентабельно одетого просителя, и ледяным тоном заявил, что хозяин не принимает, а если мне угодно что-либо передать, можно это сделать. Я покосился на сверток с диссертацией – без моих устных комментариев даже великому Вобану не разобраться, о чем она, – и, мысленно ругая себя за то, что не догадался написать краткий экстракт, поспешил уйти, пробормотав, что зайду позже. Вначале действительно хотел вернуться. Даже начал сочинять письмо. Но уверенность меня покинула, а вспыхнувшее раздражение довершило дело, и письмо полетело в огонь. Выносить презрение от лакея, чей бы он ни был, оказалось выше моих сил.

Так я остался один, без средств, без всякого дела, в растерянности и тоске. Теперь утрата единственного близкого мне человека дала себя знать в полной силе, и только давние, в первую нашу встречу высказанные синьором Витторио мысли о бессмертии души поддерживали меня, чтобы не разрыдаться. Все, что было вокруг, казалось отвратительным, прежние мечты – глупыми, усилия – бессмысленными. Разница между славой великого полководца и прозябанием нищего бродяги не стоила того, чтоб напрягать волю. Лень было шевелиться, чтобы найти какую-либо службу – однако служба нашлась сама. Однажды запыхавшийся посыльный, с трудом разыскавший меня у Тенаров, сообщил, что де Бриенн, инспектор казенных ружейных мастерских, желает видеть «ученика месье Читтано». По пути удалось выведать только, что дело важное и срочное.

Скептически на меня взглянув, инспектор вздохнул и все-таки объяснил, что ему нужно. Требовалось немедленно разобраться с мушкетами, которые давали слишком много осечек. Сколько именно, последовал бесцеремонный вопрос, но мой собеседник только развел руками. Раздраженный таким невежеством высокопоставленной персоны, я довольно резко заметил, что нельзя судить, много или мало, пока не знаешь сколько, и спросил, уверен ли он, что это верные сведения. У него даже глаза сверкнули. Впоследствии мне стало известно, что недоброжелатели де Бриенна не отягощали свои суждения цифрами, зато сумели поднять вопрос на высший уровень, доложив о недостатках самому королю. Тогда как раз завершался переход от фитильных ружейных замков к кремневым, Его Величество требовал перевооружить армию самым поспешным образом. Приказано было немедленно разобраться, однако дело только запутывалось: оружейники ссылались на плохой порох, пороховые мастера – на недоброкачественные кремни или неумение солдат обращаться с ними, все перекладывали вину друг на друга. Инспектор по должности распоряжался немалыми деньгами, и желающих занять это место было слишком много. Над его головой ощутимо сгущались тучи. Знающие люди посоветовали обратиться к «месье Читтано», но тот нехотел погиб.

Де Бриенн жестким тоном спросил, как можно определить верность или неверность сведений. Я с ходу, ни секунды не задумываясь, рассказал о числе осечек на сто выстрелов и проведении опытов сериями, сообщил, что достаточно будет по три мушкета из каждой мастерской, по бочонку пороха разных сортов, по коробке кремней и трех помощников из опытных солдат. Как эталон можно взять для сравнения знаменитые льежские мушкеты. Инспектор был

по образованию юрист и в знании математики не продвинулся дальше счета денег, зато разницу между мнением и доказательством ему не требовалось объяснять. Прямо на следующий день, собрав все необходимое, взяв троих ветеранов из Дома инвалидов и пригласив еще нотариуса, чтобы заверить журнал опытов, мы отправились в расположенное неподалеку имение родственников де Бриенна. Три дня в саду гремела стрельба от рассвета до заката, и пороховой дым стелился по лугам, как после сражения. Сидя в кресле под цветущей яблоней, я отмечал удачные выстрелы крестиками, осечки – кружочками, с замечаниями о причинах. На четвертый день подвели итоги: обвинения интриганов оказались неверными на восемьдесят шесть процентов, ибо из семи партий оружия повышенным числом осечек отличалась только одна, из новых мастерских к востоку от Шалона. Инспектор немедленно отдал распоряжения вернуть, заменив другими, поставленные оттуда мушкеты и остановить там работы. Он выглядел довольным: полдела сделано, можно доложить, что меры принимаются. Если еще в Шалонских мастерских удастся быстро все наладить, его действия будут в глазах короля безупречными.

Кажется, студент-недоучка произвел на инспектора хорошее впечатление: мне было сделано предложение немедленно отправиться вместе с ним в Шампань и продолжить дело. Стоило только заикнуться о долгах в университете – де Бриенн вспомнил, что мы не договорились об оплате, и предложил самому назвать сумму, следующую за труды. Естественно, нельзя было дать другого ответа, как предоставить решение его великодушью. Впрочем, я не остался разочарован – и через день или два, уладив все дела, запасшись необходимым и оставив сундук с книгами на попечение честного Анри, надолго покинул Париж.

«Шалонскими» сии мастерские называли разве потому, что ехать следовало через этот город, на самом деле до них было еще полдня пути. Покрытые ухоженными виноградниками равнины – знаменитые Каталаунские поля, на которых Аэций победил гуннов, – сменились лесистыми возвышенностями, где-то далеко на севере переходящими в Арденнские горы. Место для мастерских выбиралось ради удобства строительства плотины, и ни одной деревни не было поблизости от двух длинных кирпичных строений в глубокой ложине между холмами: казармы, в которой жили работники, и точно такого же здания, где они работали. Чуть в стороне, за деревьями, скрывалась контора, там же обитал с семьей управляющий, офранцузившийся эльзасец Штайнер. Я не ожидал от уравновешенного де Бриенна такой ярости: казалось, он готов наброситься на несчастного немчика и растоптать его. Однако тот уцелел и даже сохранил должность, ибо заменить его было некем и во всяком случае означало бы непопозволительную потерю времени, пока новый управляющий возьмет дело в свои руки. К тому же у него нашлись веские оправдания.

В здешних местах отсутствовали традиции оружейного дела и даже хороших кузнецов было немного. В отличие от богатого винодельческого запада Шампани, восточная ее часть была неплодородной, малонаселенной и бедной – «вшивая Шампань», как называли жители соседних провинций. Голодные крестьяне готовы были работать в мастерских за самую ничтожную плату, но ничего не умели, а первоначальный план вызвать опытных мастеров из соседней Лотарингии оказался позабыт, когда король отдал герцогство юному Леопольду. Поговорив с теми, кого здесь считали оружейниками, инспектор сморщился, как от зубной боли, и немедленно затребовал людей из других мест, чтобы срочно исправить положение. Еще до их прибытия мне довелось выдвинуть несколько простых, но действенных идей по улучшению дела, кои побудили инспектора предложить студенту-недоучке место помощника управляющего. Должность и жалованье заведомо превосходили уровень, на который мог рассчитывать юноша моего возраста и происхождения, и о чем тут долго размышлять: в Париже никто не ждал, а магистерскую степень можно было с тем же успехом получить через год или два.

«Назвался груздем – полезай в кузов» – говорят в России. В мои обязанности входила вся инструментальная часть. Прежние знания оказались совершенно недостаточны, а для закупки нужного приходилось не раз выезжать за пределы Франции – в соседние лотарингские и

рейские города, ремесленники которых заслуженно славятся своим искусством. В придачу к инструментам, Штайнер постепенно переложил на меня закупку железа и прочих материалов, а потом еще ведение книг – хоть новоявленный помощник и приехал из Италии, познакомиться с итальянской бухгалтерией сподобился только здесь. По молодости лет я совершенно не обладал умением уклоняться от дел или перекладывать их на подчиненных, пытался все делать сам, силы не берег и рад был набрать забот побольше, чтобы не оставлять места всегда готовой наброситься тоске. Управляющий вел себя чрезвычайно любезно, его голубоглазая супруга – тоже, только сынишка лет семи (старший из их детей) все порывался застрелить из игрушечного пистолета. С первых же дней Штайнеры предложили мне, ради экономии, столоваться у них, что было с благодарностью принято. Идиллические семейные трапезы ничуть не походили на завтраки у воинственной тетушки Джулианы. Дела служебные обыкновенно обсуждались за столом, где резко спорить с хозяином дома казалось неудобным: в результате мне приходилось чаще, чем следовало, уступать и откладывать применение своих инвенций, коим всегда находились препятствия. Новшества, придуманные вместе с профессором перед его гибелью, вообще не хотелось вспоминать. Служба становилась все более однообразной, рутинной, и это меня поначалу устраивало. Я слишком долго жил мечтами о чудесном оружии, небывалых подвигах, ослепительной военной карьере – надо учиться не витать в облаках, а ходить по грешной земле, как все нормальные люди. Год пролетел в трудах совсем незаметно, второй катился так же, только назойливая вежливость Штайнера почему-то стала раздражать. Его желание поддерживать налаженный ход работ, избегая перемен, было понятно – однако мне, по свойству характера, любое занятие начинало казаться нестерпимо скучным, как только в нем исчезала прелесть новизны.

Жалованье превосходило мои потребности, и, раз уж управляющий не соглашался тратить казенные средства на оружейные опыты, я стал проводить их на свои, покупая материалы и доплачивая мастерам за сверхурочную работу из собственных денег. Совершенствуясь в науках и ремеслах, я оставался весьма наивен, а временами просто глуп во многом, что касалось человеческих отношений, и совсем не предполагал, что моя карьера французского оружейника рухнет из-за этих опрометчивых экспериментов. Мне даже в голову не пришло попробовать взглянуть на дело глазами Штайнера, который за слащавой любезностью скрывал беспокойство и дух соперничества. Вот навязали ему в помощники молодого, но деятельного и хорошо выученного парижанина – оспаривать решение инспектора неразумно; лучше потихоньку оттеснять наглеца на скользкую почву, денежную и хозяйственную, где он по неопытности непременно ошибется или проворуется; и не допускать в мастерских никаких улучшений, а то, не дай бог, получится. Бескорыстие почти всегда вызывает подозрения, мои же действия окончательно убедили немца, что слишком шустрый помощник хочет отличиться перед начальством и метит на его, Штайнера, место. Мне не довелось узнать, он ли подстроил обман или случай так совпал, а управляющему только осталось оклеветать помощника перед де Бриенном, но интрига получилась неотразимой. Заплатив крупный задаток из казенных денег за партию полосового железа, я не смог потом найти ни железа, ни купца, а инспектор получил какие-то сведения, указывающие на мой сговор с жуликами. Не слушая оправданий (довольно слабых, под давлением чувства вины, что дал себя обмануть), де Бриенн просто выгнал меня прочь, удержав хранившееся в конторе жалованье за последние месяцы в погашение убытка.

Шагая по разрисованным осенними красками холмам восточной Шампани, я продолжал на ходу бормотать фразы, которые не успел высказать инспектору в лицо. Мой багаж был точно таков же, как на пути сюда: слесарные инструменты, пара книг и узелок с бельем, только вместо кареты инспектора транспортом служили собственные ноги. Выйдя наутро из самой дешевой шалонской гостиницы и встряхнув на ладони оставшиеся монеты, я призадумался. О почтовой карете нечего и мечтать, пешком до Парижа – больше недели. Надо и на еду, и на ночлег: зима на носу, под деревом не поспишь. Денег никак не хватало, и я вышел из положения по-русски,

купив на все оставшиеся большую бутылку местного вина. Жизнь скоро перестала казаться мрачной. Поделившись вином с попутчиками-савоярами, решил зарабатывать так же, как они, только не трубы печные чистить, а слесарным делом промышлять во всех придорожных деревнях и городках. Входя в Париж, был преисполнен презрения к своим гонителям: до голодной смерти им меня никогда не довести; даже понравилось изображать бродячего ремесленника. Однако в столице надо было как-то определяться. Не найдя сразу людей, на которых рассчитывал, зашел подкрепиться в хорошо известный всем студентам дешевый трактир неподалеку от университета и, задумчиво пережевывая черствый хлеб, вдруг услышал:

– Да это же сам Александр Великий! Какими судьбами?!

Только ближайшие друзья по университету иногда называли меня таким прозвищем. Я поднял голову: слегка подвыпивший, с офицерским шарфом напоказ, передо мной стоял Даниэль, один из тех, с кем мы семь лет назад здесь же, за соседним столом, обсуждали лунных жителей.

– Мне скоро в полк отправляться, вот и прощаемся с Парижем. Пируем вовсю! Давай с нами.

За легкой занавеской, отделявшей чуть более чистый угол от главного зала, сидела уже довольно веселая компания таких же, как Даниэль, молодых офицеров и кандидатов на офицерский чин (во французской армии – совершенно официальный статус). Выпив с ними за знакомство и рассказав историю своих злоключений, я встретил самую искреннюю и горячую поддержку:

– Ну и черт с ними!

– Чего от них ждать, мошенников!

– Крысы тыловые!

– Иди лучше к нам в полк!

– А что, Александр, может, правда к нам? Д-друзья! Я не встречал человека, который бы так любил оружие! Ты... Т-тебя надо в офицеры!

С трудом удалось утихомирить Даниэля, который в порыве дружбы пытался меня расцеловать, роняя бутылки. Против ожиданий, он вспомнил этот разговор на следующее утро. На возражения, что без денег и протекции никто меня в офицеры не возьмет, он солидно ответил:

– Без протекции – конечно... Мой полковник – старый друг нашей семьи, и, если я расскажу ему о твоих достоинствах, он непременно будет содействовать... Нас ждет небывалая война, королю нужны хорошие офицеры.

Он рассуждал о политических событиях последних месяцев, о сражениях в Италии, где принц Евгений нанес поражения Катина и Виллерау, о подготовке армий – похоже, в самом деле надвигались решающие битвы между Францией и ее врагами. Может, хоть теперь начнут назначать достойных? Тот же Евгений Савойский мог бы служить Франции, если бы король своевременно дал ему полк, – всего лишь чина французского полковника безуспешно добивался тот, кто стал лучшим из имперских генералов!

Меня не пришлось долго уговаривать: я всегда мечтал о военной службе. Да и выбора не было – если, конечно, не вспоминать о должности бродячего ремесленника!

Глава 4

Под королевскими лилиями

Полковник Гийом де Сезар, барон де Монтевилль, видел меня насквозь. От его спокойных пристальных глаз бесполезно было что-либо скрывать. Так, стало быть, парижанин – однако с итальянской фамилией. При этом внешне на итальянца не похож, больше на немца или черт его знает... Учился-учился в университете, а степени магистерской не получил, хотя с виду не глуп. Смотрит с достоинством, но без дерзости, субординацию понимает. Две кампании во Фландрии в прошлую войну, артиллерийским учеником – хорошо, пороху понюхал, – с какого только случая после артиллерии в пехоту просится? Ясно: набедокурил, про штрафился, проворовался – хоть и говорит, что не виноват... Ну, был молодцу не укор: ежели всем, кто с казенными суммами небрежен, головы рубить – жестокости Луи Одиннадцатого померкнут... Только на полковую кассу, мой мальчик, не рассчитывай...

– Вы дворянин?

– Я из семьи офицера венецианской службы.

– У вас есть имение, доходы?

– Ничего нет – я сирота с младенчества.

– Принять вас в полк кандидатом возможно, но пока без жалованья. Пища на свои деньги, вместе с солдатами.

– Первое время обойдусь. Я согласен.

– Доложитесь капитану Ришару. Он скажет, что делать дальше.

Вот так я стал «аспирантом», сиречь кандидатом в офицеры, в Дижонском полку, расквартированном в тридцати лье от швейцарской границы. Даниэль Д'Орбиньи, мой старый собрат по университету, выполнил обещание, наилучшим образом рекомендовав меня полковому командиру. Перед этим со мной произошло еще два важных события. Во-первых, я продал остатки профессорской библиотеки, мысленно попросив у покойного наставника прощения так искренне, как никогда не просил у Бога. Продал, торгуясь с букинистами как истинный венецианец, даже как венецианский еврей – было до смерти жаль расставаться с этими книгами. «Записки о Галльской войне», «Начала натуральной философии» и кодекс, приписываемый Леонардо, все же оставил – рука не поднялась, они потом так и путешествовали со мною.

А во-вторых, я женился! Когда блестяще экипированный на вырученные за книги серебряники «кандидат в кандидаты» зашел в тот же самый трактир недалеко от ограды Люксембургского сада, где продолжала веселиться та же компания, помогавшая трактирщице девушка улыбнулась...

И всё! Пропал человек...

Есть некоторые люди, у которых волей Создателя (или силой Природы, если вам угодно) рассудок всецело преобладает над страстями. Из них выходят наилучшие ученые и полководцы: Леонардо да Винчи, Ньютон, Лейбниц, принц Евгений совершенно чуждались любовных увлечений. Можно добавить многих незаурядных людей, имевших жен и детей просто потому, что так положено, – надо же кому-то передать титул или наследство. Я часто завидовал их прирожденному хладнокровию, будучи совершенно не таков. Если до тех пор бури любовные не сотрясали мое сердце, то исключительно потому, что предназначенные для любви душевные силы отдавались науке или войне, коим я служил с той же страстью, как пылкий юноша – своей возлюбленной. Не могу похвастаться, что прежде совершенно не касался женщин, но как-то те женщины не вдохновляли. И вот мое сердце оказалось праздным...

Прелестная Жюли тут же в нем устроилась самым удобным образом.

Теперь, вспоминая долгую жизнь, наполненную событиями, честно скажу – дни, когда я увез ее в Дижон, были самыми счастливыми за все мои бесчисленные годы. Я не думал ни о пугающем сходстве имен с моей венецианской тетушкой, ни о скандальной славе нескольких древнеримских Юлий, ни о фатальном несходстве темпераментов, ни о том, что брак с трактирной служанкой для будущего офицера все-таки мезальянс. Есть ситуации, в которых молодые люди вовсе перестают думать. Любовь захватила бы меня всецело, если бы не служба.

А служба не давала жить и любить спокойно. Команды посылались всю зиму то на заготовку фуража, то на вербовку рекрутов, то постращать готовых взбунтоваться крестьян. Все эти нужные, но малопочтенные занятия доставались младшим по званию и сроку службы офицерам и кандидатам, а мне больше всех. Весной полк подняли и двинули к Рейну против Людвига Баденского – подвергать даму сердца всем трудностям и опасностям похода было невыносимо, и после безумных взаимных клятв в вечной любви она осталась дожидаться меня в той же снятой у почтенной вдовы крохотной комнатке, где мы так счастливо провели несколько месяцев. К сожалению, переписываться было невозможно: Жюли, весьма неглупая от природы, нахватавшись в своем трактире самых невероятных обрывков книжной мудрости от студентов-завсегдатаев, но все мои попытки обучить ее грамоте разбились о неумение оставаться серьезной достаточно долго, чтобы запомнить буквы. Стихийная жизнерадостность возлюбленной брала верх надо мною, и учитель начинал шутить и баловаться вместе с ученицей. Мы условились думать друг о друге каждый день в определенную минуту.

Войска собирались в укрепленном лагере у берегов Рейна, где сходятся границы – французская, баденская и швейцарская. Вопреки нашим ожиданиям, преимущество в силах оказалось не на стороне короля Франции, о наступлении не приходилось даже мечтать. Враги одну за другой занимали крепости, прикрывающие переправы через Рейн, и следовало готовиться отражать их атаки уже на французской земле, обучать войска и устраивать укрепления в угрожаемых местах. Де Монтевилль был жестким и требовательным командиром, его подчиненным приходилось туго. Для меня самым трудным оказалось заставить солдат повиноваться. В полку совсем другие принципы, нежели в оружейных мастерских: там я любого работника мог наказать денежным вычетом за нерадение или вовсе выставить вон, оставив этим без средств. Здесь же солдаты частью были согнаны в полк по вербовке и мечтали дезертировать при первой возможности, частью нанялись добровольно, рассчитывая не столько на жалованье, сколько на военную добычу. Последние составляли такую дикую вольницу, управлять которой не у всякого офицера получалось, подчиняться же человеку, еще не выслужившему офицерский чин, они совсем не желали. Я завидовал непринужденной манере аристократов на ходу бросать небрежное отрывистое приказание, ни капли не сомневаясь, что оно будет исполнено. Легко это делать, имея за плечами тридцать поколений землевладельцев, помыкавших вилланами, во мне же потомки вилланов никак не чувствовали настоящего господина. Особенно много крови мне испортил Шатле – бывалый сержант, переведенный в полк из какого-то гарнизона в наказание за драку с местными жителями. Он постарался сделать из этого наказание для окружающих. Быстро подружившись с несколькими такими же наемниками, Шатле то силой, то запугиванием подмял всю роту, убедил капитана Ришара в своей незаменимости и умении держать солдат в руках, а после начал изображать из себя хозяина, устанавливая нравы разбойничьей шайки и издеваясь над моими попытками защитить законный порядок.

Формально каждый офицер, а равно кандидат имеет право добиваться повиновения от подчиненных силой оружия; фактически же это допустимо только в ситуации открытого бунта. Без подобного крайнего случая офицер, обнаживший шпагу против собственного сержанта, тем самым уронит свое достоинство в самую черную, несмываемую грязь. А обратиться к вышестоящим командирам с жалобой на него – значит расписаться в собственной непригодности к службе. Негодяй прекрасно знал эти неписанные правила армейской жизни и бессовестно ими пользовался, строя насмешки, подобоострастные по форме и издевательские по

сути. Трудно сказать, почему именно я стал мишенью его остроумия. Возможно, другие офицеры не пытались ему противодействовать, довольствуясь внешней покорностью и видимостью порядка среди солдат.

Отнюдь не христианским смирением, а только влюбленностью и смягчающим влиянием Жюли можно объяснить мое исключительное долготерпение. Недолговечное семейное счастье наполняло меня неиссякаемыми запасами доброты ко всем живым существам, не исключая отъявленных мерзавцев. К сожалению, людям свойственно принимать доброту за слабость – и как же они удивляются и возмущаются, обнаружив свою ошибку!

Я терпел смешки и ужимки за своей спиной, несправедливое угнетение молодых солдат, уклонение от службы на грани дозволенного и даже хвастовство Шатле совершенными им в прежних походах грабежами и насилиями. Успокаивал себя рассуждениями, что дурная, но неустраняемая темная сторона войны существует извечно. Армия и жестокость неразделимы: так было при Цезаре, так есть сейчас.

Мое душевное равновесие нарушил случай.

В деревне близ военного лагеря у крестьянина пропала дочь, застенчивая чахлая девочка лет тринадцати. Ее отец пожаловался полковнику, и де Монтевилль перед строем приказал всем, кто знает что-либо о пропавшей, сообщить. Ответом было молчание, но краем глаза я уловил, как переглянулись сержант и один из его приятелей, гасконец со шрамом на щеке. Целый день меня мучили сомнения, посреди ночи я проснулся и понял – нет, не показалось. Скорее всего, труп несчастного ребенка лежал где-то в лесу под кучей хвороста, а насильники и убийцы имели все шансы остаться безнаказанными: взгляд не улика. Следующий вечер подвыпивший Шатле сам напросился на столкновение со мной.

– Сержант! Почему караулы не выставлены?!

– Вроде не наша очередь? Пускай леклеровские ставят, мы весь день на земляных работах, в дождь...

– Не тебе решать, из чьей роты караулы ставить. Через полчаса проверю – если не выступишь, потом не обижайся.

– У нас нет причин обижаться на вас, *месье*...

Он всегда старался оставить за собой последнее слово. Подпевалы и прихлебатели сержанта заулыбались на гражданское обращение, подчеркивающее мой недостаточный опыт по сравнению с ними, настоящими вояками, – мне было безразлично. В крайней степени гнева я становился по видимости совершенно спокоен, решения приходили сами, простые и очевидные. Ясно, что насадить этого негодяя на шпагу, как свинью на вертел, было бы правильным ее применением, но лучше действовать по-другому. Я прогулялся до деревенской кузницы, по пути одолжил у ружейного мастера десяток мушкетных пуль, сплющил их молотком на наковальне, проделал дырки и туго нанизал пули на крепкий кованый гвоздь. Получилась хорошая свинчатка больше фунта весом, удобно поместившаяся в кулаке.

– Сержант, где караульные?!

– Сказал же, не наш черед!

– Ну, раз так...

«Месье» пожал плечами, сунул руки в карманы и отвернулся от него – Шатле с ухмылкой покосился на приятелей: дескать, видали, как надо обрывать таких сопляков... Еще с одним полуоборотом я от души впечатал отягощенный свинцом кулак прямо в середину его лица. Сменив свинчатку на шпагу, встал над ним в ожидании – пока подпевалы вступят в дело или он сам поднимется, – чтобы выпустить их свинячьи души.

Но он только катался по земле, зажав лицо руками, и ревел, как раненый бык. У него был сломан нос.

Стоило убрать шпагу – сидевшие минуту назад рядом с сержантом ближайšie приятели его, сгибаясь и кланяясь, стали просачиваться мимо меня под дождь, в караул.

Через пару дней подвернулся случай назначить на заготовку дров того самого гасконца – вместе с двумя надежными солдатами, наиболее страдавшими от безобразий шайки Шатле. Приказав избить его до полусмерти и привязать голым к дереву (что было охотно исполнено), я очень живописно рассказал, что с ним сделаю, ежели он вздумает запирачься, а в случае признания обещал ходатайствовать о смягчении приговора. Мне не понадобилось резать его живым на части, хотя внутренне приготовился и почти начал. Девочка была найдена и получила христианское погребение. Шатле, свалив убийство на приятеля, отправился на каторгу. Гасконец станцевал последний танец на виселице. Военный суд не прислушался к ходатайству, однако оно было подано, и моя совесть перед негодяем чиста.

После этой истории у меня не было трудностей с солдатами.

Помимо обыкновенных офицерских обязанностей, мне нашлось еще одно дело. Еще в Дижоне, увидев, чем вооружены солдаты, я пришел в ужас: как можно этим воевать? Преобладали фитильные аркебузы вплоть до очень древних, украшенных замысловатой гравировкой, но для боя мало пригодных. Англичане и голландцы использовали новоизобретенные багинеты с кольцом, надевающимся на ствол мушкета и не препятствующим стрельбе. Здесь даже тридцать лет известные старые образцы, вставляемые ручкой в дуло, были мало распространены. Если у прочих французских полков, действующих на Рейне, оружие такое же – других причин поражений искать не надо.

Я быстро подружился с полковым ружейным мастером Жаком Нуаром. Мои инструменты приехали со мной – и после исправления нескольких мушкетов, признанных им безнадежными, он готов был почти молиться на меня. Разместившись в хозяйственной пристройке у сельского кузнеца (дом занимали более высокие чины), мы с Жаком обучили работе по металлу нескольких солдат с умелыми руками и занялись переделкой фитильного оружия в кремневое. Собирались приступить и к багинетам; но появился мой капитан, увидел пробные образцы и всё запретил. Оказывается, лет десять назад багинет со втулкой показывали Его Величеству, и Людовику не понравилось. «Не переживай, сынок, – утешал меня Ришар, – королю виднее, что хорошо и что плохо». В его глазах авторитет монарха был абсолютным: капитан провел на королевской службе всю жизнь, начиная лет с пятнадцати, а было ему далеко за сорок. Выходец из простонародья, он философски относился к воинской славе и мечтал о покое, но содержал на свое жалованье двух взрослых дочерей и выйти в отставку до победного завершения кампании по выдаче их замуж никак не мог.

В начале осени баланс военных сил изменился: сторону короля Франции принял обладающий хорошей армией Максимилиан, электор Баварский. Его меч перетянул весы судьбы, и командующий нами генерал Виллар скомандовал наступление. «Благородный фанфарон Виллар» – аттестовал его через полвека Вольтер. Да, было фанфаронство, вообще все в нем было немножко чересчур, как у театрального актера в роли героя. Но актер оказался талантливый, а пули, между прочим, летали вокруг него настоящие. Виллар так старательно строил из себя героя, что, наконец выстроил. Войска с радостью шли за ним в огонь и воду.

В сравнении с правильной осадой, где смысл каждого маневра был понятен, сражение под Фридлингеном с войсками маркграфа Баденского оставило впечатление полного хаоса. Страх не было: думать приходилось не об опасности, а о том, чтобы не растерять людей, пробираясь с ними через заросли; выбравшись же на открытое пространство, строить каре, не разбирая рот и полков, для отпора вражеской кавалерии, которая так до нас и не доскакала. Будучи послан полковником собирать отставших в лесу солдат, я пропустил самое интересное – перестрелку на близкой дистанции с вражеской пехотой, которую мы выиграли, судя по тому, что остались на месте, когда враг отступил, а возможно, и проиграли, если считать по нашим потерям. В полку недосчитались нижних чинов более четверти, а офицеров чуть не половины. Часть товарищей потом вернулись после излечения – к моему сожалению, среди них не было Даниэля. Я слышал, что ему ампутировали ногу, но так и не узнал, выжил он или нет.

Баталия окончилась нашей победой, но не слишком решительной. Несколько недель обе армии осторожно маневрировали в долине Рейна, пока Виллар не увел нас в Лотарингию, чтобы встать на зимние квартиры.

Сразу по окончании кампании я попросил у полковника отпуск, но де Монтевилль почему-то медлил с решением. Мое нетерпение достигло предела, когда он через несколько дней после Рождества вызвал меня и поздравил с производством. Все обстоятельства сошлись наилучшим образом: военное министерство подтвердило службу в артиллерии, оружейные старания были оценены, некомплект офицеров после тяжелых потерь тоже сыграл на руку – и вот он, патент на лейтенантский чин, которого в другое время пришлось бы дожидаться долгие годы! Искренне поблагодарив полковника и должным образом отметив событие с товарищами, в предвкушении, как обрадуется Жюли, мчался новоявленный лейтенант в почтовой карете по Дижонской дороге. Страшное разочарование ожидало меня: хозяйка квартиры сообщила, что моя возлюбленная еще летом уехала в Париж к родственникам. Не задержавшись ни часу, я помчался в столицу, строя догадки и ругая себя за то, что покинул на долгие месяцы это юное создание, всегда готовое праздновать и веселиться, но в одиночестве начинающее скучать уже через пять минут. Разбуженная посреди ночи парижская трактирщица, приходившаяся Жюли то ли двоюродной, то ли троюродной теткой, долго ругалась и грозилась вызвать городскую стражу, я хватался то за шпагу, то за кошелек, наконец мадам сменила гнев на милость, позволила всучить ей луидор, вздохнула и сказала:

– Не стоит она тебя, вертихвостка. Месяца три как с драгуном в Марсель уехала.

Я замер как громом пораженный. Сначала рванулся ехать в Марсель, но, почувствовав, что это бесполезно, стал топить горе в вине, то строя планы мести неверной, то собираясь свести счеты с жизнью. Наконец разум начал брать верх. Глупо выбирать греховную и постыдную смерть от собственной руки во время кровопролитной войны, когда есть возможность погибнуть с честью. Меня охватило безумное, свирепое желание «показать им всем» – в понятии «все» причудливым образом соединились и Жюли, и де Бриенн, и Штайнер, и советник Рише, и Вобан со всей своей прислугой, и множество людей, которые меня знают, и те, что не знают, – чтобы они удивлялись моим подвигам и плакали о моей геройской смерти. Даже когда я окончательно протрезвел и вернулся в полк, дочиста прокутив полугодичное жалованье, это желание не ослабло, а только созрело, превратившись из пьяного безумия в спокойную твердую решимость. Я решил найти смерть в бою, еще не зная солдатского поверья, что смерть бежит от того, кто ее ищет.

Не в пример прежнему, кампания началась очень рано. Еще с конца февраля Виллар, произведенный в маршалы за прошлогоднюю победу, начал скрытно продвигать войска к Рейну, в начале марта переправился, захватил противлежащие Страсбургу укрепления и двинулся в Баварию на соединение с Максимилианом. Двухмесячный марш по имперской земле, сопровождаемый противником в почтительном отдалении, предоставил много случаев для моих причуд. Доблесть пехотного офицера регулярных войск заключается в дисциплине, стойкости и полном отсутствии фантазии; я же, в силу своих представлений о геройстве, уподобился скорее какому-нибудь казаку из самых диких. Подобрал себе солдат, ранее бывших контрабандистами, браконьерами или просто разбойниками, и неизменно вызываясь с ними за топливом, фуражом или провиантом, пользовался этими благовидными предложениями, чтобы «поохотиться», стараясь по возможности не грабить мирных жителей, а нападать на посты имперцев или на таких же, как мы, вражеских фуражиров. Не жалея собственной жизни, не щадил и других, обращая со своими и чужими круто, а иногда жестоко. Относительно имущества мирных граждан воинские обычаи дают офицеру некоторые права: лошади, провиант и оружие считаются законными предметами для реквизиций. Вероятно, отличные кони, украсившие собою полковой обоз, побуждали начальство взирать сквозь пальцы на мои художе-

ства. Скоро я приобрел завидную репутацию среди самых юных офицеров, хвастающих друг перед другом лихостью и бесстрашием.

Ближе всего вожденная смерть оказалась, когда на сельской мельнице вместо предполагаемых фуражиров пришлось схватиться с имперским полковником знатного рода, по аристократической самоуверенности вставшим на ночлег поодаль от своего полка, с одними только слугами. Обычно внезапное ночное нападение вызывает панику, хотя бы кратковременную, но тут враги явили неожиданную стойкость. Я потерял двух своих людей и находился на волосок от того, чтобы лечь с ними третьим: полковник оказался страшным противником, он моментально оттеснил меня к стене и выбил шпагу из рук. Спас только заячий прыжок в сторону да заряженный пистолет за пазухой. Как только господин упал, слуги моментально сдались или разбежались. Увидев расплывающееся на кружевной рубашке пятно и кровавую пену на губах, я не потащил умирающего в плен, оставив на руках плачущего старого лакея, и прихватил только шпагу, принадлежавшую мне по праву победителя. Разглядев наутро добычу, присвистнул и понес показывать знатокам: старинный клинок немецкой работы, с бриллиантами на гарде и крупным рубином в навершии был необыкновенно красив и стоил, наверно, целое состояние. «Оружие, достойное королей» – таково было мнение капитана Леклера, лучшего фехтовальщика в нашем полку. Маркитант, промышляющий скупкой трофеев, с ходу предложил мне сказочную сумму – тысячу ливров. Это означало, что шпага стоит намного дороже. Но я не собирался ее продавать: тому, кто ищет смерти, не нужны деньги. Был какой-то особенный форс в том, чтобы щеголять потрепанной одеждой и безумно дорогим оружием, словно принц в изгнании или черкесский князь.

Похоже, за время похода сердце мое насытилось опасностью. Незаметно мечты «показать им всем» стали приобретать иное направление: добиться высшей славы, почестей, чинов и богатства, чтоб они поняли, кем пренебрегали! Когда войска Виллара вступили на дружественную баварскую землю и рискованные «охоты» поневоле прекратились, я нашел себе новое занятие, с молчаливого согласия мечтающего об отставке старого капитана приняв на себя главную часть обязанностей по командованию ротой и надеясь уже к следующей кампании унаследовать после него должность. Алчным взглядом карьерного мечтателя присматривался к вышестоящим офицерам, чтобы понять, как управляют полком или бригадой, и часто входил с товарищами в обсуждение стратегии нашего маршала и его баварского союзника. Действия последнего представлялись в крайней степени ошибочными.

«Не бросайся грабить прежде победы» – гласит солдатская мудрость. Электор Максимилиан Баварский то ли не знал этого правила, то ли предполагал, что к коронованным особам оно не относится. Вместо общего с французами похода на Вену он возмечтал захватить богатое Миланское герцогство и для сообщения с ним занял Тироль. Тирольские мужики поднялись и разбили баварцев наголову. Виллару пришлось спасать незадачливого союзника, послав вспомогательный корпус ему на выручку, и наш полк в том числе.

С особым чувством смотрел я на поднимающиеся все выше и выше по сторонам дороги горы – сразу за ними, на юге, находилась страна моего детства. Всего лишь полсотни лье до Венеции: если бы по равнине да на переменных лошадях – сутки пути. Но по горам быстро не поскачешь, к тому же враги дали о себе знать. В месте, где долина сужалась шагов до трехсот, с противоположного склона раздались выстрелы и показались пороховые дымки. Несколько солдат были убиты и ранены.

Враждебные действия не должны оставаться безнаказанными – таково первое правило поведения в чужой стране. Остановив колонну, мы развернули строй и открыли сильнейший огонь по зарослям, где прятались стрелки. Однако оттуда отвечали, и с поразительной меткостью! Сообразив невыгодность нашего положения на открытом месте, когда противники не видны, я спросил у капитана позволения с десятком солдат обойти их. Не более чем через четверть часа моя «браконьерская команда» выбралась туда, откуда нас обстреливали, – но

никого не нашла, только под деревом валялись шляпа с пером и ружье невоенного образца с расщепленным пулею прикладом. Кровь на траве указывала, что один из нападавших ранен. Судя по следам, в засаде сидели пять или шесть человек.

Вернувшись к своим, мы были потрясены потерями – около десяти убитых или смертельно раненных, в их числе капитан Огюст Ришар, получивший пулю в живот, и десятка полтора – с ранениями меньшей тяжести. Из офицеров своей роты я один остался в строю. И это сделала горстка людей, которой отвечали огнем две роты; потери наших противников – один раненый! Зная толк в «малой войне», я поставил тирольцам наивысшую оценку и решил разузнать все, что возможно, об их оружии и воинских обычаях. В первую очередь рассмотрел трофейное ружье. Длинноствольное, меньшего калибра, чем наши мушкеты, и нарезное – типичное охотничье оружие, такие считаются непригодными для боя из-за медленного заряжания. Я крайне пренебрежительно относился к винтовкам: даже если охотничьи рассказы их владельцев отчасти правдивы и выигрыш в меткости не сказка, проигрыш по частоте стрельбы уничтожает это преимущество. Словом, нарезы в стволе – баловство богатых бездельников.

Теперь все эти соображения оказались поколеблены. Тирольские егеря, скрываясь от французских пуль за деревьями, не спеша заряжали свои винтовые ружья и отстреливали наших офицеров, почти не делая промахов. Поразительно! Из простого мушкета даже на сто шагов по одиночному человеку чаще промахиваешься, чем попадаешь. Проблема заслуживала изучения научными методами. Но сначала нужно было позаботиться о раненых и убитых, а потом в одиночку нести службу, обыкновенно исполняемую тремя офицерами.

Только недели через две, когда полки вышли из гор и остановились на отдых, у меня появился необходимый досуг для испытаний трофея. То, что я считал охотничьими рассказами, полностью (и даже с избытком) подтвердилось: меткость просто феноменальная. Зато процедура заряжания... Кошмар! Пулю надлежало заворачивать особым манером в промасленную льняную тряпочку, именуемую «пластырь», и осторожными ударами деревянного молотка по шомполу забивать в ствол – Боже упаси, не слишком сильно, чтобы не помять, а то застрянет; а если слабо окажется, при выстреле не пойдет по нарезам. Представил это священнодействие на поле боя, подумал, много ли солдат удержатся, чтобы не ударить посильнее в спешке, – и еще больше стал уважать тирольцев. Нет, массовым оружием пехоты может быть только гладкоствольное, где пуля входит свободно и даже с зазором. Но почему бы не вооружать винтовками отдельных метких стрелков, чтобы выбивать вражеских офицеров, как наших выбили в горах? И еще надо подумать над причинами отклонения пуль от цели – у меня были мысли на этот счет в артиллерийском трактате, их следует додумать до конца. Возможно, точность обыкновенных мушкетов удастся повысить. Заряжание...

Показалось, будто в моем мозгу со скрипом проворачиваются неведомые механизмы, как в заржавевших от бездействия часах. Зачем проталкивать пулю через длинный тугий ствол, если можно без усилий вложить ее с другой стороны? У меня же есть готовая конструкция со сменными зарядными камерами, созданная специально для ускорения стрельбы! Вопрос о затравках для воспламенения заряда был решен еще синьором Витторио, придумавшим оловянные капсулы с воспламенением от удара. Кажется, мой ум не вовсе оступел от неупотребления: в считанные минуты перед внутренним взором возникли три или четыре возможные конструкции нового оружия, на выбор. Мне бы сейчас хорошую мастерскую... Сельской кузницей тут не обойдешься!

Хорошие мастерские находились совсем недалеко. Нюрнберг славился на всю Европу часами и иной работой по металлу, другие города империи или соседних швейцарских кантонов тоже изобиловали отличными ремесленниками, но свободно располагать собой, чтобы туда отправиться, я не имел права. При победоносном окончании кампании можно было надеяться на зимний отпуск, а пока военное счастье колебалось на очень шатких весах. Преимущество, которое мы имели весной, растаяло после тирольской неудачи: баварских солдат едва половина

вышла обратно, остальные разбежались или погибли. Маркграф Луи Баденский сразу осмелел и начал наступление. Главными силами он в начале сентября занял Аугсбург, другой его корпус под командованием графа Лимбургского Германа-Отто Штирума продвигался по северному берегу Дуная. Наш отдых прервали раньше времени, чтобы остановить этот марш.

Трудно отыскать место более прекрасное, чем долина Верхнего Дуная, особенно ранней осенью, когда урожай собран и все плоды земные находятся в изобилии, сентябрьское солнце не жжет, но пригревает ласково, прозрачные серебристые воды великой реки неторопливо струятся к далекому Черному морю, где бесчинствуют кровожадные сыны Магомета. А на идиллических придунайских равнинах люди, утверждающие, что следуют учению Христа, усердствовали убить или покалечить своих ближних, вместо того чтоб их возлюбить, как предписано Иисусом. У Штирума было десять тысяч австрийцев и шесть тысяч пруссаков, из числа отданных электором Бранденбургским императору в обмен на королевский титул. У нас семнадцать тысяч французов состояли под непосредственным командованием Виллара (и непрестанно с ним ссорившегося Максимилиана), а семитысячный корпус д'Уссона должен был атаковать имперцев с тыла. Несогласованность действий чуть не привела к неудаче: немцы отбросили преждевременно напавшего д'Уссона, но, к счастью, не успели перестроиться для отпора основным французским силам. Мы опрокинули их, и только необыкновенная стойкость вражеского арьергарда, возглавляемого принцем Ангальт-Дессауским, не позволила совершенно уничтожить противника. Нам достались четыре тысячи пленных, тридцать семь пушек и весь обоз имперцев. Разбитый корпус Штирума спасся в Нордлингене.

На сей раз сражение не оставило ощущения хаоса – я или стал умнее, или войска действовали более осмысленно, – а больше всего радовало, что удалось хорошо справиться с ротой, как на марше, так и в бою. Задача более чем непростая при таком некомплекте офицеров, и полковник, несомненно, должен был это оценить. Я полагал, что заслужил капитанский чин и буду представлен в самое ближайшее время. Простой расчет показывал: после этого, если потери будут столь же велики, за пять-шесть лет можно попасть либо в полковники, либо в покойники. Последнее вероятней, но я верил в свою удачу. Игра с такими шансами меня устраивала. В королевской армии есть два главных способа продвигаться по служебной лестнице. Юные отпрыски герцогских и графских родов, члены младших ветвей дома Бурбонов или королевские бастарды зачисляются офицерами в четырнадцать-пятнадцать лет, вприпрыжку (годам к восемнадцати) добираются до полковничьего чина, а дальше движутся применительно к обстоятельствам. Потомки небогатых провинциальных дворян без протекции или, не дай бог, выходцы из «третьего сословия» за четверть века беспорочной службы доползают до капитанского звания и выше не идут. Имеются средние пути между этими двумя, а изредка появляются необыкновенные фигуры, чья карьера, кажется, не подчиняется никаким правилам. К оным фигурам я и мечтал оказаться причисленным, только решать было не мне. Через несколько дней после баталии в расположение моей роты прибежал вестовой и сообщил, что полковник вызывает. Для представления на чин, по всем расчетам, было рано: это требовало переписки с военным министерством. Явившись к барону и увидев незнакомого юношу лет семнадцати, я подумал, что настойчивые представления о назначении помощника возымели действие, и дружелюбно улыбнулся новичку. Де Монтевилль, взглянув на меня строго, холодным тоном произнес:

– Позвольте представить вашего нового капитана, шевалье де Треземана.

Наверно, мне не удалось совладать с лицом, и на нем выразилась вся гамма моих чувств. Невероятными усилиями я сумел восстановить улыбку:

– Рад познакомиться, мой капитан. Позвольте спросить, где вы служили и в каких баталиях участвовали.

– Я мушкетер военного дома короля Франции!

Это было сказано с невероятной гордостью, будто принадлежность к мушкетерам составляла достоинство. Да любой армейский офицер плевался, услышав о них! Две роты, предназначенные для охраны апартаментов Его Величества, прославились междоусобицами, интригами и кабацкими драками. Самые знаменитые их батальи происходили в парижских трактирах. Сие не мешало мушкетерам воображать себя героями, а при переводе в армию рядовые получали офицерский чин. Служба в мушкетерской роте говорила о принадлежности к определенному кругу – вдобавок фамилия генерал-майора де Треземана была достаточно известна, чтобы догадаться о стоящих за юнцом родственниках. Де Монтевилль поспешил вмешаться:

– Я надеюсь на вашу дружную совместную службу Его Величеству.

Элементарные правила вежливости требовали заверить полковника, что надежды исполнятся, но у меня хватило сил только неопределенно пожать плечами. Обида была слишком сильна: это МОЯ рота, я не только знал людей в лицо и по имени, а помнил, кто чем занимался до вербовки, представлял поведение каждого солдата в различных ситуациях и имел особый подход к каждому для побуждения к службе. Я уже начал обдумывать, кого из них лучше привлечь будущей весной к испытанию винтовок нового образца... Никто не мог бы командовать этой ротой лучше меня.

Не хотелось, однако, уподобляться негодяю Шатле и противопоставлять себя командиру. Субординация в армии должна быть безупречной, независимо от личных чувств. Я постарался найти привлекательные черты у молодого шевалье: например, предпочтение тягот и опасностей полевой службы парижским развлечениям говорило в его пользу. Происходя из военной семьи с давними традициями, он, вероятно, имел хорошую подготовку к исполнению офицерской должности.

Но эти рассуждения не помогли победить неприязнь. Представьте, что по высочайшему повелению вам пришлось бы отдать другому человеку, например, свою жену. Уверен, вам было бы безразлично, хорош этот человек или плох. То, что мой соперник даром, безо всяких стараний и в столь юном возрасте получил должность, ради которой я тяжело трудился и рисковал жизнью, рождало в сердце настоящую ревность. По своей склонности обобщать, я сразу сделал окончательный вывод. Мне дали понять, что никакие усилия, заслуги и таланты не перевесят знатности или родственников в военном министерстве, что на продвижение по службе не следует рассчитывать, а наиболее вероятная судьба, ожидающая меня под знаменем Бурбонов, – как у несчастного Ришара: капитанский чин к старости и пуля в живот в каком-нибудь европейском захолустье. Если над вами лилии – скорее всего, вы тонете в болоте. При всем старании вести себя корректно с юным де Треземаном, справиться с чувствами не удавалось, и в считанные дни мы с ним дошли до дуэли.

В поединке я сразу оказался бит, быстро и беспощадно. Тут пистолет из-за пазухи не вытянешь, а почти все уроки фехтования в моей жизни были получены, еще когда мы в детстве с деревянными мечами изображали римских легионеров. Ни возраст, ни сила, ни природная ловкость не смогли противостоять настоящему дворянскому воспитанию: моих умений хватило лишь на то, чтобы извернуться в решающий момент схватки таким ужом, что клинок, нацеленный в грудь, скользнул по ребрам, причинив рану обширную и страшную на вид, но не смертельную. Полковой цирюльник зашил разрез крепким шелком, пока я, как бобр, грыз ивовую ветвь – ее используют военные хирурги, чтобы пациент не переломал зубы, скрипя ими от боли во время операции. Несмотря на большую потерю крови, молодость и здоровье взяли свое. Уже через неделю я почувствовал себя в силах повыдергивать проклятые нитки и начал бы вставать, но стыдно было показаться людям. Только верному денщику Шарлю позволялось входить в мою каморку; всем прочим он говорил, что лейтенант слишком слаб для визитов. Скорбь по погибшей репутации лихого рубаки усугублялась неопределенностью относительно будущей судьбы: хотя дуэль – преступление, на которое чаще всего закрывают глаза, в моем случае она была преступлением вдвойне, будучи совершена в военной обстановке, и

второйне, поскольку поединок с непосредственным начальником означал злостное неповиновение с оттенком бунта. Ни мой счастливый соперник, ни командир полка не были заинтересованы в огласке, однако при слишком многих посвященных история не могла долго сохраняться в тайне. В любом случае службу мою по многим причинам следовало считать законченной. Вот почему я ни секунды не раздумывал, когда однажды ночью Шарль прибежал с известием, что к полковнику прибыл и сейчас беседует с ним жандарм, имеющий предписание о моем аресте. Слуги всегда узнают подобные известия первыми, от таких же, как они, денщиков.

Плох офицер, который не может собраться в пять минут. Шарль раздобыл сбрую и оседлал беспечно пасшегося среди палаток коня, одного из взятых мною полгода назад в богатом имении под Тюбингеном. Хотелось наградить верного слугу деньгами на прощанье, но он даже с оттенком обиды ответил, что не из корысти помогает, а ради уважения, которое все солдаты питают ко мне. Осталось только обнять его, стараясь не расплакаться.

В октябре ночи длинные и темные, а если еще дождь моросит – разглядеть всадника и за сотню шагов трудно. Мои полугеройские-полуразбойничьи приключения тоже не прошли даром: удалось благополучно миновать все посты. Только забинтованный бок болел все больше, слабоват я еще был для путешествий. На рассвете, выбрав подходящее место недалеко от леса, позволил час или два отдохнуть коню и себе, потом продолжил путь, не желая без нужды задерживаться на землях, жестоко разоренных нашей армией во время весеннего похода. За последние полгода я научился с грехом пополам объясняться по-немецки, но акцент сразу выдавал. Стоило крестьянам узнать во мне француза – не поздоровилось бы. Недалеко от Штутгарта, столицы герцогства Вюртембергского, силы наши, мои и коня, окончательно иссякли и, хуже того, рана начала кровоточить. Пришлось повернуть к людям. В город подзрительному иностранцу лезть явно не следовало, придорожный трактир показался мне более надежным пристанищем. Его хозяин наверняка привык к пестрой толпе маркитантов, дезертиров и мародеров, окружающей обыкновенно армии на марше, как кровососущие мухи – стадо коров. За ужином, заговорив с трактирщиком, я рассказал ему о себе: итальянец, наемный солдат, служил у французов, вышел по ранению и теперь пробираюсь на север, чтобы поступить к голландцам, которые, по слухам, лучше платят. Такая история объясняла все, включая французское седло и изобилие оружия. Ложь бывает тем убедительней, чем больше в ней правды. Самая виртуозная ложь должна состоять из правды на сто процентов.

С простодушным видом я поинтересовался у содержателя трактира, у кого бы снять недорогую комнату с кормежкой и где можно продать коня. Если до этого у него и были мысли, не дадут ли за меня вознаграждение как за французского шпиона, теперь иная выгода перевесила. Он точно знал толк в скупке трофеев. Не болела бы рана – поторговались бы, а так сошлись на смешной цене: семь талеров и комната на две недели с полным пансионом. Конь стоил впятеро дороже, зато теперь трактирщик уверился, что сия скотина украдена, и держал язык за зубами: по немецким законам скупка краденого карается наравне с воровством.

Через полмесяца в Майнце сказку об итальянце-наемнике слышали сплавщики, которые проводят плоты из могучих бревен по Рейну в Голландию. Устрашающий свежий шрам на ребрах, стоило его показать, как-то сразу вызвал доверие. Одеваясь как простолюдин и работая на плотях вместе с немцами, я легко миновал по реке все многочисленные заставы и кордоны, которые сушей не надеялся проскочить, и прибыл в Амстердам. Жизнь сделала крутой поворот, можно было подводить итоги: затянувшаяся попытка сделаться французом не удалась. Надо искать другое отечество.

Глава 5

В погоне за удачей

На пути в Голландию у меня был избыток времени, чтобы продумать все подробности будущих действий. Сняв небольшую комнату в пригородной деревне (Амстердам с его гостиницами оказался мне не по карману), я первым делом купил бутылочку скипидара и отмыл камни на эфесе шпаги от смолы, прятанной их во время путешествия. Без этой предосторожности дальше дна Рейна уплыть не вышло бы. Теперь можно было идти к голландским ювелирам, занимавшим целую улицу в лучшей части города. О, здесь тоже знали толк в торговле с обедневшими вояками, но рана моя зажила и торопиться было незачем. Как только мне предлагали цену за бриллианты в три-четыре раза ниже настоящей, я молча вставал и переходил в следующую лавку, не слушая стенаний за спиной. Услышав более разумное предложение, обещал подумать и шел вперед, в разговоре с другими ювелирами ссылаясь на эту цифру, но говоря, что хочу вдвое больше. На втором круге почтенные сефарды, кажется, начали меня уважать, на третьем дали хорошую цену. «Бродячий аукцион», устроенный для скупщиков, чтобы заставить их соперничать, полностью себя оправдал: лишняя сотня флоринов стоит потраченного дня. Теперь, имея достаточно средств для оружейных опытов, можно было приступить к исполнению задуманного.

Взяв в аренду пустующую кузницу, я купил маленький токарный станок с ножным приводом, приобрел недостающие инструменты и принялся за дело. Тирольская винтовка, приехавшая со мной из Баварии, была приговорена погибнуть, чтобы стать матерью-прародительницей новоманерных ружей. Отрезав тыльную часть ствола, расточил его канал и сделал зацепляющие выступы для соединения со сменными зарядными каморами. Но тут уверенный и властный стук в дверь оторвал от дела. Отодвинув меня могучим пузом, хорошо одетый бюргер протиснулся в помещение и на грубом нижненемецком диалекте объявил, что заниматься оружейным ремеслом, не будучи членом цеха, строго воспрещается. Если он, цеховой староста, еще раз поймает меня за работой – или огромный штраф, или тюрьма. Оправдания, что это не на продажу, а для себя, успеха не имели.

Ладно, решил, черт с вами: закажу нужные детали у цеховых мастеров. Не тут-то было! Все они были полностью заняты работой на армию, и цех не позволял брать заказы со стороны. Какого ж, спрашивается, дьявола мешать безвредному чужеземцу?! И почему эта страна претендует на титул свободной? Для некоторых персон в ней, возможно, и есть свобода – но мне не досталось и крошек от их пиршества. Не знаю, как бы я вышел из положения, если б не обнаружил вдруг, что за мной внимательно наблюдают чужие глаза.

После продажи бриллиантов у меня впервые в жизни оказалось в руках такое количество денег, которое заставило задуматься об их сохранении. Часть я оставил на неотложные расходы, другую положил под проценты в Амстердамский обменный банк, третью отнес в контору Ост-Индской компании, чтобы в любом случае не потерять все сразу. Придя в банк, чтобы пополнить наличные средства, я с удивлением и некоторым беспокойством услышал предложение служителя помочь в затруднении с заказом оружейных частей.

Многие амстердамские жители промышляют разными видами коммерческого посредничества, но за словами банковского сидельца скрывалось иное, в чем мне довелось убедиться в тот же вечер, явившись по указанному им адресу. Совершенно седой, но по-юношески подвижный и очень любезный человек заявил, что мне незачем выдавать себя за итальянца среди друзей, где нет папистских агентов. В Амстердаме я говорил с образованными людьми на латыни, с простыми – на ломаном немецком, однако эмигранты-гугеноты распознали во мне француза и, более того, решили, что перед ними тайный эмиссар повстанцев из Севеннских гор в Южной

Франции, где второй год пылал огонь восстания. Военная выправка, солдатский загар на лице, скромная манера одеваться, история с бриллиантами, попытки заказать оружие – все сошлось в пользу сей ложной версии. Пока предполагаемый посланник камизаров (как называли севеннских повстанцев) невразумительно мычал и пытался выбраться из щекотливой ситуации, себе-седник предложил воспользоваться обширными связями единоверцев в Англии, где заказать оружие не представляет труда. После этого мне расхотелось его переубеждать, тем более что никакого обмана с моей стороны не было: люди сами ввели себя в заблуждение. Не разочаровывая своего благодетеля мнением, что с философской точки зрения паписты и гугеноты одинаково пресмыкаются во мраке невежества, я взял у него рекомендательные письма к английским друзьям, искренне поблагодарил и выразил надежду, что Господь не оставит его своею милостью за столь богоугодное дело. Мы провели очень содержательную беседу за ужином, обсуждая полководческие способности Виллара, только что переведенного (после окончательной ссоры с Максимилианом) из Баварии в Севенны на подавление гугенотского мятежа. На другой же день, пока новые друзья не обнаружили своей ошибки и не обернулись врагами, мнимый камизар покинул голландские берега.

Лондон – прекрасный город и обычно производит впечатление на новопривывших, но я ничего не замечал по сторонам, подобно древнеримскому колесничему на состязаниях, которого кони вынесли на последнюю прямую перед конечной метой. Еще немного, и у меня в руках будет образец оружия, по меткости и скорострельности далеко превосходящий всё ныне существующее. Последнее усилие – и я смогу выбирать, какого монарха осчастливить своими инвенциями. Французский король, по понятным причинам, не годился. Если б он даже простил меня – я бы его не простил. Союзники Людовика никаких чувств, кроме презрения, не вызывали. Его враги... Нет, переходить под чужие знамена во время войны и сражаться против вчерашних товарищей казалось бесчестным, какие бы обиды ни омрачали душу. Страны, сохраняющие нейтралитет, тоже не подходили – они меньше воюющих нуждались в оружии и не оценили бы его должным образом. Оставались государства, не оспаривающие испанское наследство и ведущие свою отдельную войну на востоке Европы, только ни одно из трех не нравилось мне.

Московия, страна русских... Конечно, я помнил о своих корнях – но когда тетушка Джулиана кричала: «Русский ублюдок!», это были два ругательства, а не одно. Русское происхождение следовало скрывать, как незаконнорожденность или бесчестный поступок. Я привык видеть в нем недостаток, и немногочисленные известия, долетающие из Москвы, кажется, только подтверждали господствующее мнение о русских. Парижские газеты иногда печатали рассказы очевидцев о междоусобицах, бунтах, пытках и казнях, о неуравновешенном царе, то развлекающемся плотницкой работой, то собственноручно рубящем головы (одним и тем же топором?), и самое главное – о печальном отсутствии в этой стране простейших основ права, чести и благородства. Если даже не верить газетам, в офицерской среде передавались призывы людей, безусловно заслуживающих доверия, не вступать в русскую службу, затем что в Московии телесные наказания применяются вплоть до генеральских чинов и некоторые опрометчивые европейские кондотьеры не далее как год назад испытали это на собственных задницах. Я готов служить, но не на положении раба – там же всех, природных подданных или наемных иноземцев, трактуют как рабов государя.

Польша являла собою полную противоположность Москве: каждый шляхтич по закону имел право сопротивляться королю и бунтовать против него, устраивая конфедерации. Польским королям служили многие французы, включая известного Боплана, книгу которого я с интересом прочитал в студенчестве и, кстати, тогда еще подумал, что мой отец с большей вероятностью мог быть выходцем из польской Руси, нежели московской, ибо украинские жители больше сталкиваются с турками и татарами и чаще попадают в плен. Нынешний король, теснимый шведами, нуждался в хорошем оружии и мог бы предложить выгодные кондиции, если

б удалось его заинтересовать. Вот только сия возможность казалась более чем сомнительной ввиду явного малодушия Августа на войне и предпочтения, оказываемого балам и маскарадам перед сражениями. Скорее всего, мне даже не добиться высочайшей аудиенции. Беседовать с лейтенантом – не королевское дело.

Карл Двенадцатый... Вот это настоящий воин! Сей монарх не давал повода сомневаться, что он любит оружие, способен по достоинству оценить мои замыслы и может извлечь из них гораздо большую пользу для себя, нежели любой другой государь. Но почему-то не хотелось помогать ему сделаться еще сильнее. Да и титул у шведа – хоть святых выноси. Я уже не воображаю себя, как в детстве, последним римлянином, по недоразумению попавшим в чужую эпоху, но служить *королю готов и вандалов*... Благодарю покорно! Интересно, титул короля убийц и мародеров все еще вакантен?

Отложив решение вопроса о будущем суверене, занялся делами. В Англии было меньше глупых цеховых ограничений, мешало лишь незнание языка. Впрочем, перед обоюдным интересом, подкрепленным деньгами, препятствие сие неизменно отступает. Что я еще собирался сделать, помимо неотложных дел, – встретиться с автором моих любимых «Математических начал натуральной философии». Изыскания о сопротивлении воздуха полету артиллерийских снарядов всецело основывались на открытых им принципах движения и методах математических расчетов, поэтому идея представить свой (пусть неоконченный) ученый трактат на суд самого Ньютона была чрезвычайно волнующей. Я надеялся, что управление королевским монетным двором оставляет великому естествоиспытателю время для встреч и бесед с молодыми коллегами. Однако нелепый случай так перевернул обстоятельства, что стало не до науки.

Как-то вечером у меня была встреча в матросском трактире с мастером, исполнявшим заказы как на оружейные детали, так и на сверла, резцы и прочие инструменты для изготовления таких же деталей в большом количестве. Мы отмечали окончательный расчет и имели все основания быть довольными друг другом: один получил недостающее для успеха в своем деле, другой – весьма достойную оплату. Для этого пришлось продать не только оставшиеся на старинной шпаге камни, но и ее саму, заменив прекрасный клинок дешевой железкой. Впрочем, сюда, в припортовый квартал, я ходил вовсе без шпаги и одетый ремесленником, чтобы не привлекать лишних взглядов. Вопреки моему равнодушию к крепким напиткам, желание снять напряжение последних недель заставило выпить больше обычного. Поэтому момент, когда проход между столами заполнили вооруженные люди, совершенно ускользнул от моего внимания. Когда меня подняли и повели, ухватив с двух сторон под локти, растерянности не было предела. Кто это? Французские власти не могут хватать беглецов во вражеской стране! Может, гугеноты разоблачили обманщика? Или, наоборот, их враги посчитали меня настоящим агентом повстанцев? Нет, вряд ли иезуиты способны здесь действовать так открыто...

Свежий ночной воздух наконец выдул излишки спирта из моих мозгов. Какие, к чертям, иезуиты?! Огляделся вокруг – не меня одного вытащили из трактира. Еще с полдюжины людей, все молодые и большей частью похожие на моряков, стояли в окружении... не иезуитов, понятно! Это же матросы с военного корабля нас сцапали: идет обыкновенная вербовка. «Экспедиция за мясом» – называлось такое у нас в дижонском полку. Я сам не раз в подобном участвовал, а теперь сработал закон талиона, и капральская палка оказалась о двух концах. Меня охватил внезапный приступ смеха – к счастью, кратковременный. Товарищи по несчастью покосились как на сумасшедшего. Во имя вольности этот народ одного короля обезглавил, другого изгнал. Нет англичанина, от лорда до поденщика, который не кичился бы перед континентальными жителями своей свободой: у кого еще есть Magna Carta, Habeas Corpus Act и Bill of Rights? Ну и чем законы могут помочь этим бедолагам, и мне вместе с ними? Насколько помню, они защищают от несправедливого обвинения и произвольного ареста – а нас никто

ни в чем не обвиняет (вот свинство!) и не арестовывает, напротив: нам хотят предоставить величайшую честь – служить во флоте Ее Величества!

Матросы восторженились при появлении офицера. Похоже, дисциплину им вбили крепко, во французской пехоте так не тянут. Я попытался привлечь внимание командира:

– Господин офицер! Это ошибка! Прикажете отпустить меня, я иностранец и дже...

Дыхание перехватило от резкого удара «в душу». Седой, но крепкий, как дубовая свая, боцман беззлобно посмотрел на мои усилия вдохнуть, кивнул удовлетворенно и снова утратил всякий интерес к пленникам. Теперь уже товарищи усмехались, глядя на меня. Потом нас куда-то повели, присоединили к толпе таких же невольников, загнали в тупик между высоких стен и посадили на корточки. Начались разговоры шепотом: чуть громче – сразу окрик или удар дубинкой по спине. Нельзя, чтобы новобранцы сговаривались между собой, иначе с ними не справиться. Английские торговые моряки, как правило, могли объясняться на немецко-голландском жаргоне, отчасти понятном и мне. Я попытался выяснить у соседей нашу будущую судьбу.

– Ну вы, голландцы, и впрямь тупые! С сэром Клодсли Шовеллом – к испанским берегам, на помощь адмиралу Руку.

Другой, совсем молодой парень, гордый своей осведомленностью, прошептал:

– «Ноттингем» четвертого класса, новенький, шестидесятипушечный. Капитан Сэм Уай-такер. У этого секут без пощады, зато кормежка хорошая.

Похоже, планы адмиралтейства и порядки на каждом судне были известны трактирным завсегдатаям до мелочей. В общих чертах положение не составляло загадки, поскольку я следил за ходом войны. Поздней осенью предыдущего года над Англией пронесся небывалый «Великий шторм», утопивший только линейных кораблей не менее десятка и повредивший гораздо больше. Чуть не весь королевский флот в одночасье остался без мачт. Исправление кораблей заняло всю зиму, и теперь эскадра в двадцать с лишним вымпелов готовилась отплыть в Средиземное море. Команды были давно набраны, но из-за дезертирства и смертности то и дело возникал некомплект, и капитаны пользовались последней возможностью очистить портовые кабаки.

Из меня окончательно выветрились остатки хмеля. Холодный дождь больше напоминал декабрь, чем апрель, я промок насквозь и дрожал как в лихорадке. Однако отправиться с сэром Клодсли в теплые края желания не прибавилось: у меня были свои планы, отличные от тех, что могло предложить адмиралтейство. Оставалось убедить моряков королевского флота, что мне с ними не по пути. На борту корабля шансов на это будет гораздо меньше, чем на берегу, и вряд ли удастся без того, чтобы открыть свое положение беглого офицера вражеской армии. Это будет изгнание черта при помощи дьявола: как бы не пожалеть об участи простого матроса. Лучше попрощаться с флотом, не ступая на палубу.

Нож и заряженный пистолет, которые я носил для защиты от грабителей, стали трофеями Royal Navy еще в трактире, вместе с моим кошельком. Пробиваться голыми руками через два ряда матросов с дубинками было бы не самым мудрым решением. Единственная надежда – на побег из шлюпки. Жители северного побережья Европы, возможно, не уступят южанам в обращении с парусом и веслами, но плавают и ныряют гораздо хуже, потому что у них море холодное.

Нашим захватчикам было известно, что погрузка – последний шанс для завербованных, и они расставили людей так, чтобы исключить любые попытки бегства. Пригнувшись, подгоняемые пинками и подзатыльниками с обеих сторон, новобранцы по одному тяжелой рысцей пробегали сквозь строй по причалу и попадали в руки двух самых крепких матросов, тумачами проводивших их в баркас, к еще одной такой же паре. Когда пришел мой черед, я сделал вид, что споткнулся, пропустил над головой предназначенную мне затрещину и боком юркнул с высокого причала в ледяную, глубокую, пахнущую гнилью и нечистотами воду. На беду, один

из ждущих на шлюпке голиафов оказался не только силен, но и быстр: в прыжке как бульдог вцепился в одежду пленника и не отпустил, хотя инерция движения увлекла его в реку. Мы барахтались в узкой щели между сваями причала и бортом. На земле или на палубе он живо скрутил бы меня, но здесь я сумел, отталкиваясь ногами от бревен, затащить его под днище, где преимущество оказалось не на стороне англичанина. Когда мальчишками мы состязались, кто дольше просидит под водой, или ныряли на дальность, я неизменно всех обыгрывал. После того как он разжал руки и забился в панике, пытаюсь вдохнуть, у меня еще хватило сил проплыть две-три сажени и вынырнуть с другого борта, не там, где ожидали с баграми и веслами. Едва исчезли красные круги перед глазами и сердце чуть-чуть утихло, сделал глубокий вдох и поплыл под водой, стараясь держать направление на привязанную поблизости лодку. На последнем дыхании добрался, спрятался за ней, отдышался – и так от судна к судну отдалился от преследователей саженой на сто, прежде чем рискнул выползти на берег и задворками, прячась от каждого шороха, добрался под утро до своей гостиницы. Хозяину сообщил, что на меня напали в порту, ограбили, избили и пытались утопить – кто посмеет сказать, что это неправда?!

После столь неожиданного приключения захотелось поскорее унести ноги из Англии. С большой вероятностью следовало предположить, что боровшийся со мной детина утонул: вытащить его безлунной ночью из холодной Темзы шансов было не много. Сам виноват, но поди докажи это английскому судье! Идет война, матрос был на королевской службе, а обвиняемый – бывший французский офицер! Что выводывал подозрительный иностранец в портовом трактире? Допросив посетителей, можно было за один день меня найти и арестовать как шпиона. Твердо решив избежать подобной участи, я не стал рисковать свободой ради науки, и мечта о встрече с Ньютоном так и осталась мечтой. Через три дня беглеца снова встретила Голландия, показавшаяся на сей раз почти родною. Эта страна и правда схожа с Венецией обилием каналов и обращенностью к морю; только климат хуже, да ветряные мельницы машут крыльями на каждой плотине. Меня охватила лихорадка нетерпения. И вот детали подогнаны, оружие испытано малым, обычным и усиленным зарядом, все части еще раз тщательно притерты. Все подозрительно благополучно. Под предлогом охоты на птиц нанял лодочника отвезти меня на безлюдный остров: много места для стрельбы по мишеням в густонаселенной Голландии не нашлось. Снова все прошло превосходно, а результаты оправдали самые смелые мои надежды. Неужели судьба устала меня преследовать? Или она готовит новую, доселе небывалую пакость? Привычка ко всевозможным разочарованиям, неудачам, несчастным случайностям настолько въелась в душу, что ничем не омрачаемый успех вызывал скорее беспокойство, нежели радость. Но время шло, а ничего дурного не случалось. Пора было переходить к следующей части плана.

Теоретически дальнейшие действия представлялись совершенно очевидными. В Гааге, всего лишь в дюжине лье от Амстердама, пребывали дипломаты нужных мне государств. Следовало просто поехать и переговорить с ними, спросить каждого о возможности получения аудиенции у его государя и взять рекомендательные письма – но меня охватила непонятная робость перед высокопоставленными персонами. То ли я слишком много обращался среди простолюдинов, то ли слишком много бегал от французских жандармов и английских моряков: какая-то холопская боязнь прокралась в душу. Прежде, когда нам с наставником случалось заниматься устройством фейерверков, ни самые родовитые аристократы, ни даже особы королевской крови не внушали мне трепета; теперь же высокомерное пренебрежение представлялось единственным возможным ответом со стороны послов. Я ощущал себя бесконечно чуждым этим важным господам и казался сам себе ряженым в напудренный парик и приличном камзоле, сшитом для представительности.

Повод отложить решающие визиты долго искать не пришлось: трактат о баллистике следовало напечатать хотя бы в неоконченном виде. Одно дело – когда желание встретиться с коронованной особой изъясляет беглый пехотный лейтенант, преследуемый французскими жандармами, совсем другое – когда автор высокоученого труда о стрельбе из пушек присылает

его в дар монарху, в сопроводительном письме выражая надежду быть полезным и предлагая продемонстрировать свои новейшие военные изобретения. По меньшей мере на беседу с генерал-фельдцейхмейстером и его последующий доклад государю можно рассчитывать.

Цифры в банковских книгах против моего имени обратились в нули. В карманах, правда, еще позвякивало. Свободное время я использовал для сбора дополнительных сведений о войне на севере и о странах, в ней участвующих. Особенно живописные анекдоты довелось выслушать о русском царе от жителей пригородного селения Заандам. Вырисовывалась странная, но скорее симпатичная фигура. Его жадное любопытство к ремеслам и наукам плохо вязалось с рисуемым недоброжелателями образом жестокого полубезумного варвара. В дополнение к рассказам о Московии один из корабельных мастеров сообщил, что царский посол как раз привез в Амстердам новых учеников и гостит у бургомистра Витзена.

Это сильно упрощало мою задачу. Разузнав все подробности, я обосновался в пивной, куда заходили по вечерам молодые русские, и непринужденно свел с ними знакомство. По-голландски эти ребята говорили еще хуже меня, однако один из них мог сносно объясняться на латыни, а прочим помогали жестикуляция и пиво. С интересом выслушав историю, как они плыли вокруг Норвегии, как почти у цели их захватили и дочиста ограбили дюнкеркские приватиры, я в ответ поделился некоторыми своими приключениями и между делом упомянул, что ищу службу и не прочь побеседовать с послом.

– Нет ничего проще: пошли прямо сейчас!

Кажется, пугающая чопорность важных дипломатов была просто плодом моего воображения. Вместе с юношей, разумевшим латынь, мы самым бесцеремонным образом постучались в дом бургомистра и сообщили, что хотим видеть русского посла. Не прошло и пяти минут, как меня ему представили и пригласили к столу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.